

ИВАР
РАВИ

ПРОМЕТЕЙ

НЕАНДЕРТАЛЕЦ

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Прометей

Ивар Рави

Прометей: Неандерталец

«Автор»

2021

Рави И.

Прометей: Неандерталец / И. Рави — «Автор»,
2021 — (Прометей)

Что делать, если ты уже шесть лет находишься в каменном веке параллельной Вселенной и достиг определённого успеха? Правильно! Двигаться дальше и закреплять достигнутое и развивать новые страницы в истории каменного века. Но всего этого можно лишиться в одночасье и стать пленником ужасного племени неандертальцев-людоедов. Твои верные соратники уплывают, уверенные в твоей гибели и ты снова предоставлен самому себе. Продолжение приключений российского космонавта Максима Серова, волей случая, оказавшегося в каменном веке Земли параллельной Вселенной. Содержит нецензурную брань.

© Рави И., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Глава 1. С нуля	5
Глава 2. Элочки-людоеды каменного века	11
Глава 3. Уд	17
Глава 4. Стоянка племени	23
Глава 5. Фляжка	28
Глава 6. Нел	33
Глава 7. Охотник племени	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Ивар Рави

Прометей: Неандерталец

Глава 1. С нуля

Нестерпимо болели руки и ноги, страшная боль пульсировала в голове. Казалось, мои кисти ампутируют тупой ножовкой. При этом меня качало, словно я плыл на надувном матрасе, переваливаясь через волны. Застонав от боли, я открыл глаза.

Над моей головой было сумеречное небо с редкими облаками. Потом в глаза бросились мои связанные руки, через которые была продета жердь. Усилием воли я приподнял голову, прижимая подбородок к груди: так и есть, ноги тоже связаны. Меня несли, словно добычу, как это делают охотники, возвращаясь с охоты. Через связанные руки и ноги продета жердь, а на ней, словно тушка кабана, болтаюсь я.

Я со своим напарником Михаилом, находился на борту международной космической станции на орбите Земли, когда мы пролетели сквозь непонятное свечение и оказались в другом временном пространстве. Михаил погиб, пытаясь починить повреждение, причиненное нам космическим камешком. Мне не оставалось другого выбора, кроме как приземлиться на ставшей чужой Земле. Альтернативой было умереть на станции от голода и обезвоживания.

На Землю я попал в аварийно-спасательной капсуле «Союз». Я приводнился на море, и течение вынесло меня на берег, который позднее я определил как южный берег Турции. Мне удалось прихватить со станции запас продуктов, медикаментов и немного одежды. В связи с ограниченным пространством спасательной капсулы многие вещи пришлось оставить на станции.

Я стал понемногу обживать на новом месте, но отсутствие людей угнетало. И вот однажды я спас от рук дикарей племени Канг троих подростков: Нел, Рага и Бара. Они происходили из племени Луома, уничтоженного более сильным племенем людоедов Канг. Нел стала моей женщиной, а ее братья, моими соплеменниками – Русами. Мы прожили на берегу бухты, куда течение принесло мою капсулу, два года. Потом нам пришлось плыть на плоту вдоль береговой линии, спускаясь к югу.

За время путешествия наше маленькое племя Русов пополнилось двумя девушками-подростками, которых я нарек Лоа и Моа. В дороге мы пережили столкновение с ужасным племенем каннибалов, состоявших только из мужчин, сумели их перебить и, наконец, нашли свою землю обетованную. В бухте, которую мы облюбовали, проживали бежавшие от каннибалов люди племени Гара (Лисицы).

Племя я взял под свое покровительство, и мы мирно уживались на протяжении нескольких лет. Меня называли Макс Са, что значит Дух Макс, и моя власть была абсолютной. За четыре года в нашем селении Плаж произошли значительные события. В состав племени Русов вначале влилось племя Уна (Кабаны), а вслед за ними и племя Чкара (Выдры). Шторм и течение принесли в бухту рыжеволосую красавицу Мию, ставшую моей второй женой. Миа оказалась вождем племени с матриархальным укладом жизни (Нига), которое я также взял под своё покровительство.

Солнце было уже не в зените, значит прошло, как минимум, несколько часов с момента схватки. Последнее, что помню, это лицо умирающего дикаря со сточенными зубами, который валился на меня, напорвшись на мой меч.

Маа мертв... Когда тебе в спину вонзается копьё толщиной с древко лопаты, трудно остаться живым. Я пока жив, но судя по кругам перед глазами и тошноте, потерял много крови. Под моим весом связанные руки и ноги онемели из-за веревки, нет скорее тонкой полосы коры

какого-то дерева. Пальцев рук не ощущаю, тупая ноющая боль и такое чувство, словно кожа на руках готова треснуть.

Мы сажали ячмень и чечевицу, научились ковать железо и нашли свинец. Прелести бронзового века стали явью. В скотном дворе появилась живность, путем регулярных тренировок я сумел создать маленький, но хорошо обученный и экипированный отряд.

Во время засухи, случившейся к концу пятого года моего пребывания на этой планете, через обмелевшую реку Литани перешли толпы дикарей, идущих с юга. Они предприняли спланированную ночную атаку. Но мы не только отбились, но и разгромили их. Преследуя оставшихся дикарей, мы прошли на юг около ста километров, взяли пленных и вернулись с триумфом.

В момент, когда нам казалось, что все проблемы позади, и я уже забыл про найденный шлем американского летчика времен Второй мировой войны по имени Чарльз Тейлор, в небе появился самолет. Один из прилетевших на нём американцев умер от прободной язвы желудка, но двое других стали моими верными соратниками. Уильям Лайтфут оказался потомственным металлургом-кузнецом, и у нас появилось качественное холодное оружие. Герман Тиландер был моряком, построенная им «Акула» уверенно рассекала воды Средиземного моря.

Мы пережили нашествие саранчи и огромной армии дикарей, захвативших Плаж. Преодолели все трудности, приручили верблюдов и создали дромадерскую кавалерию. Я вернулся с Тиландером, Баром и Маа в бухту, где прожил два года, чтобы отбуксировать капсулу к месту нашего проживания. На охоте на нас напали дикари, Маа был убит сразу, я же потерял сознание от сильного удара по голове.

Я снова застонал, на этот раз специально и громко, но несущие меня дикари не проявили никаких эмоций. Мы продвигались в абсолютной тишине, был только слышен шелест раздвигаемой травы высотой почти с человеческий рост. Жесткие длинные травинки, похожие на камыш, периодически бьют меня по лицу. Рот пересох, горло саднит от боли, с трудом извлекаю подобие слюны, чтобы смягчить горло. Если меня будут нести в таком положении еще пару часов, гангрены рук точно не избежать. С ногами ситуация получше, но тоже недалеко до серьезного нарушения кровообращения.

Запахло дымом костра, и мы вышли из высокой травы. Мир сразу взорвался шумами и голосами, отдававшимися нестерпимой головной болью.

Мы прошли еще около сотни метров, и мои носильщики, не церемонясь, прямо с плеч скинули меня на землю вместе с жердью. Я ударился спиной и, как ни старался приподнять голову, все равно снова отключился.

На этот раз без сознания я был недолго и очнулся от того, что кто-то грубыми движениями освобождал мне руки и ноги. Застоявшаяся кровь хлынула по венам, принося нестерпимую боль и невероятное облегчение одновременно.

Рядом раздался грубый рык и голос произнес:

– Га!

«Встань» – так я перевел для себя этот рык, стараясь сфокусировать взгляд. Встать я не мог ни при каких обстоятельствах: меня мутило, и конечности пока не подавали признаков работоспособности.

– Га, – снова прорычал голос, и меня больно ткнули в бедро наконечником копья. Усилиями воли я перекатился на живот и, подтянувшись, сел. Руки безвольно висели вдоль тела, ноги дрожали. Я увидел рычавшего дикаря. Массивная голова с выпирающей верхней челюстью и скошенным подбородком. Широкий нос, которому позавидовал бы любой африканец. Мощные надбровные дуги, поросшие густыми бровями, и большие глаза. Лоб не был виден из-за косм, которые сплелись в клубок.

– Чего тебе надо, обезьяна? – сказал я.

На лице дикаря отразилось невероятное удивление. Он обернулся и снова взревел:

– Ха!

На этот крик вокруг меня собралась целая толпа заросших мужчин, женщин и детей. На мужчинах и женщинах были лямбейные шкуры, повязанные вокруг талии. В большинстве своем они, наверное, служили украшениями, а не одеждой, потому что практически ничего не скрывали. Дети, даже подростки переходного возраста были вообще без шкур.

Я молча рассматривал неандертальцев, которые окружили меня. На мой взгляд, здесь было человек двадцать пять, если считать детей. Дикарь, тот, что ткнул меня копьем, сделал нетерпеливый жест рукой. Я не понял, чего от меня хотят, и попытался встать. Но ноги держали плохо, и я снова опустился на землю. Неожиданно орущая горилла снова ткнула меня копьем до крови. Боль была очень сильная и я, не сдержавшись, выругался трехэтажным матом, вспоминая всю его родню до самой первой прямоходящей обезьяны. Когда я замолк, гул восхищения прокатился по толпе, челюсти дикарей отвисли, и они уставились на меня как на чудо.

– Ха! – взревел дикарь, по всей видимости, вождь.

– Ха, – хором отозвалась толпа.

Вождь сделал движение, снова собираясь ткнуть меня копьем, но я успел выставить руки и сказать:

– Да подожди урод, что ты от меня хочешь?

Дикарь остановился, и на его лице промелькнуло подобие улыбки. Он наклонил голову, словно вслушиваясь, и снова сделал жест рукой, который я понял абсолютно точно: «говори».

– Что тебе сказать, дубина ты стоеросовая, кинг-конг недоделанный, вонючка неандертальская?

На лице дикаря отразилось восхищение, так ребенок смотрит на дорогую игрушку.

– Ха, – взревел он, запрокидывая голову, и снова сородичи поддержали его громким хором голосов.

Дикарь ткнул мальчишку своей лапой и снова произнес слово из двух букв:

– Да.

Парнишка просочился сквозь толпу и через минуту появился с коричневой человеческой рукой, в которой я узнал руку Маа. Вождь выхватил ее из рук парнишки и впился в нее зубами. Если бы в желудке что-нибудь было, я бы блеванул, но ограничился мучительными позывами к рвоте. Дикарь оторвал кусок мышц с полупрожаренной руки и протянул мне, оскалившись сточенными зубами. Меня затошнило сильнее, и я упал, снова стукнувшись головой о землю.

Дикари вдруг потеряли ко мне интерес и начали расходиться. Снова приподнявшись, я увидел, как они усаживаются кругом возле двух костров, с которых доносился запах жареного мяса. Возле меня остался один парнишка, тот самый, что принес руку Маа. Я осторожно пощупал затылок, морщась от боли. Корка крови со слипшимися волосами подтвердила, что рана была серьезная, но не смертельная.

– Принеси мне воды, – попросил я парнишку, показывая жестами, что хочу пить.

Но тот и глазом не повел, рассматривая меня как диковинную зверушку. На звуки голоса он реагировал не так как вождь, любопытство было, но восхищением и не пахло. Через полчаса я смог нормально размять руки и ноги и встал, чтобы оглядеться.

Мы находились около реки, у самого берега. Течение было медленным, неторопливым, даже казалось, что вода стоит. Увидев медленно плывущую по воде ветку, я понял, что мы уходили от моря. Сзади, в километрах двадцати пяти, виднелась горная гряда, возле которой произошла встреча с Кангами. Получается, что меня пронесли все это расстояние, пока я был без сознания. Неудивительно, что только сейчас руки и ноги обрели чувствительность, хотя глубокие странгуляционные борозды синюшного цвета, вызывали у меня ужас. Если мне повезет обойтись без гангрены, можно считать, что я родился в рубашке.

«Родился в рубашке, чтобы быть съеденным племенем людоедов», – съязвил внутренний голос.

«Да пошел ты в жопу», – отмахнулся я от него.

Тоже мне советчик – прошептал пару раз, что ходить на охоту опасно, но не возражал, когда мы пошли преследовать раненую антилопу. Прояви он свою бдительность и остроумие тогда, не сидеть бы мне сейчас среди людоедов. Даже поглощенные едой, они периодически оглядывались в мою сторону, проверяя, на месте ли их завтрашний обед.

Если бы не страшная рана на голове и потеря крови, я бы рискнул. С моей скоростью, они меня не смогли бы догнать, но сейчас вряд ли смогу пробежать даже сто метров. Еще раз я пересчитал дикарей: десять взрослых мужчин, семь женщин и шестеро детей-подростков, включая сторожившего меня. Итого двадцать три человека, из которых лишь десять представляют опасность. Даже пятеро моих людей, вооруженных луками, перебьют этот сброд. А они уже давно идут по следу, в этом я не сомневался.

Солнце клонилось к закату. Если племя останется здесь на ночь, самое позднее утром я буду свободен. Так, что нет смысла пытаться бежать и пытаться ускорить смерть. Сегодня они меня есть точно не будут, даже двадцать три человека не смогут съесть взрослого мужчину. Кроме того, у них наверняка, и наша антилопа, ведь не оставят они такую добычу в степи?

Солнечный диск уже коснулся горизонта, когда наевшиеся людоеды стали вставать. Снова прозвучало ненавистное «Ха», и дикари стали собираться. Неужели они собираются идти ночью? А как же страх дикарей перед темнотой? Или это было ошибочное мнение Нел?

Двое дикарей подошли ко мне и связали руки длинной тонкой полоской коры молодого дерева. Тем временем, уже все племя встало в походный порядок: впереди вождь с тремя мужчинами, в середине женщины и дети вместе со мной. Оставшиеся мужчины шли в арьергарде. Меня толкнули в спину, и я зашагал вслед за племенем, периодически подгоняемый толчками в спину.

И вот тут меня начал охватывать настоящий страх... Тиландер с подмогой не подоспел к этому месту. Ошибочно полагая, что дикари остановились на ночь поблизости, они тоже остановятся, чтобы с первыми лучами продолжить поиски. А, если племя будет идти всю ночь? Они не были скороходами, но преодолевали не меньше четырех километров в час. Я старался успокоить себя мыслями о том, что, когда опустится ночь, людоеды остановятся.

Но время шло, а дикари даже не сбавляли шаг. За все время ходьбы не заплакал ни один ребенок, и никто не перемолвился словом. Когда по моим ощущениям мы шли уже не менее пяти часов, мои ноги стали заплетаться, дважды я падал, неосторожно поставив ногу. И оба раза меня поднимали за волосы, бесцеремонно и молча. В среднем женщины, которые шли рядом со мной, не доставали макушкой головы до моего плеча. Воины были чуть выше, а вождь был ниже меня всего лишь на полголовы.

Когда я упал в третий раз, воин сзади нарушил молчание:

– Ха! – заорал он.

– Ха, – отозвался другой голос.

Людоеды остановились. В свете полной луны я увидел фигуру вождя, который приблизился ко мне и, присев на корточки, ощупал мои опухшие лодыжки.

– Ха, – последовала его команда, и меня, подняв, закинули на плечо к одному из воинов.

Я находился лицом к его спине, которая поросла волосами, словно шерсть медведя. От дикаря пахло мочой, калом и еще порядка двадцатью оттенками вони. Дикари беззвучно тронулись в путь. Свесившись с плеча воина, я старался не касаться лицом шерсти на его спине. Но для этого приходилось напрягать затылочные мышцы, и минут через десять я сдался. Мои восемьдесят пять килограммов дикарь нес, словно на плече у него лежала шкура, а не взрослый мужчина.

Племя остановилось лишь тогда, когда на востоке показались первые проблески зари. С появлением солнечных лучей я понял, что идем мы на север, северо-запад, удаляясь и от бухты, и от Плажа. За время путешествия на плече дикаря опухоль с лодыжек спала, и я чув-

становал себя значительно лучше. Пока мужчины, присев на корточки отдыхали, женщины спустились к реке, которая сейчас текла ниже нас в ста метрах слева. Через полчаса они вернулись с растениями, похожими на молодой камыш, белые корни которых были прямые словно стебель. Под внимательным взглядом вождя, женщины раздали корневища мужчинам, сами оставшись пустыми руками.

– Да, – скомандовал вождь, и неандерталки снова ушли к реке.

Досталось и мне два корневища. Увидев, что дикари едят их без опаски, я откусил и прожевал один. Корневища были водянистые с кисловатым привкусом, но вполне съедобные. Осмелев, я быстро проглотил свою порцию и огляделся, у кого бы попросить добавки. Пустой желудок настоятельно требовал заполнить его даже такой, казалось, безвкусной едой. Вождь перехватил мой взгляд и протянул парочку белых корневищ. Когда я протянул руку, он убрал корневища в сторону.

– И что теперь каждый раз я должен тебе речи толкать, чтобы мог поесть? — спросил я

Расчет оказался верен. Снова изобразив оскал, дикарь протянул мне корневища. Теперь я ел не торопясь, стараясь тщательно прожевать пищу, чтобы обмануть желудок. Когда женщины вернулись, на ходу доедая свои порции, я не то чтобы был сыт, но голод хотя бы не терзал меня безжалостно.

На плечах одного из воинов я заметил нетронутую тушу антилопы. Надежды на длительную остановку и угощение в виде мяса антилопы не оправдались. По команде вождя мы снова тронулись в путь, забирая все больше и больше на запад, следуя за руслом реки, которая теперь уже казалась не такой широкой. Отчетливо были видны берега, и даже мелкие водоплавающие грызуны, что копошились на том берегу.

С каждым пройденным километром таяла надежда, что Тиландлер и Бар нас догонят. Занятые спасательной капсулой, они отправятся на мои поиски не раньше чем через несколько часов. Час нужно идти до места нашей схватки, там они потеряют время, пытаясь обнаружить мой и Маа трупы. Интересно, что стало с пистолетом? Я его, кажется, просто бросил, когда выхватывал меч. Что стало с трупами убитых мною дикарей? Забрали их или оставили там?

Я даже похолодел от мысли, что, если трупы забрали, то всю кровь, пролитую у скал, могут посчитать нашей. А если найдут и пистолет, то вердикт Тиландлера и Бара будет неутешительным: Макс Са и Маа убиты, и их унесли дикари, чтобы сожрать. Возможно, что, даже посчитав нас мертвыми, осторожный Тиландлер и пойдет дальше в погоню. Но, если всё же пойдет, и они смогут найти по следам место, где людоеды жрали Маа, то на этом погоня закончится. Закончится, потому что перед ними будут человеческие кости и наглядное доказательство того, что, как минимум, одного из нас съели, а второй просто продолжил свой путь в качестве провианта.

От этих размышлений мне стало плохо, я еле переставлял ноги, получая постоянные тычки в спину. Воины, шедшие за мной, восприняли мою походку, как и вчера. Без слов меня снова закинули на плечо, и движение продолжилось в прежнем ритме. Я досадовал на себя, что не догадался оставить на месте вечерней стоянки знаки, чтобы погоня поняла, что я жив.

Шкура на талии дикаря, что нес меня, абсолютно не скрывала его задницы. Мощные мышцы бугрились на ней, перекатываясь с каждым шагом. Та легкость, с которой он поднял и закинул меня на плечо, говорила о многом. Физически он был сильнее меня вдвое. Его руки, все в канатах вен и мышц, у плеч были толщиной с мою ногу. Даже прежние Канги были, мне кажется, ниже и слабее. Эти больше были похожи на стероидных бодибилдеров, которые бесконтрольно употребляли лекарства. Очень грубые черты лица, широкие ладони размером с лопату.

Следующая остановка произошла после обеда. Пока женщины разводили огонь и готовили антилопу, тупо бросая огромные куски мяса на угли, часть воинов исчезла. Вернулись они довольно быстро, неся еще одну горбоносую антилопу, похожую на помесь осла и оленя. Ост-

рыми камнями-рубилками животное разделали за несколько минут. Печень протянули вождю, который тут же начал её есть, обмазавшись весь кровью. Затем произошло то, что меня сильно удивило – разделанной антилопе вспороли желудок и все, кроме меня, стали есть полупереваренную травянистую массу, вывалившуюся наружу. На вонь из желудка дикари не обращали никакого внимания. Требуху с остатками травы бросили в сторону женщин, которые стали радостно вылизывать вывернутый желудок, а затем бросили оставшиеся кишки на угли. К запаху горелого мяса прибавилась вонь прелых листьев, которые осенью жгут дворники в городах.

На меня по-прежнему никто не обращал внимания. Превозмогая тошноту, я подошел к костру и выбрал обгорелый кусок мяса, вытащив его палкой. Женщины косились на меня, беззвучно скаля зубы, но вступать в прямой конфликт не решались.

– Да, – хлестко, словно выстрел, прозвучал голос вождя.

Женщины мгновенно ретировались. После этого к костру подошел вождь и остальные мужчины. Не обращая на меня внимания, каждый доставал себе кусок мяса прямо руками. Затем дикари плюхнулись на пятые точки, впиваясь зубами в мясо. Голод давил на меня с такой силой, что позабыв о грязных руках, а также то, что вчера эти людоеды ели человека из моего племени, я тоже сел и вцепился зубами в недожаренное мясо.

Мясо было пресным, жестким, с кровью, но ничего вкуснее я не ел за последние двое суток. Рыча, словно зверь, я отрывал куски и, немного разжевав, проглатывал их. Я не сразу заметил, что вождь и все остальные смотрят на меня с отвисшими от удивления челюстями. Поймав взгляды, обращенные ко мне, я оторвался на минуту от еды и, проглотив кусок, проговорил с вызовом:

– Что вылупились как бараны на новые ворота? Голод не тетка, мать вашу.

В этот момент я, наверное, выглядел не лучше их, с окровавленными губами, на которых кровь животного смешалась с соком из мяса.

Вождь встал и подошел ко мне. Положив грязную ладонь мне на голову, он выдохнул:

– Ха!

На интуитивном уровне я понял, что только что меня перевели из разряда пищи на ужин в разряд членов племени.

– Ха, – внятно и громко отозвался я, вставая с места.

Мы пару секунд смотрели в глаза друг другу, и я готов поклясться, что в глазах вождя мелькнуло одобрение. Так космонавт Максим Серов, Великий Дух Макс Са Дарб стал неандертальцем племени Ха.

Глава 2. Элочки-людоеды каменного века

Чем ближе Тиландер и преследователи становились к бухте, где осталась «Акула» и часть гребцов, тем больше сомнений одолевало американца, правильно ли он поступил, прекратив преследование. Достоверных фактов гибели Макса не было: его спутники брели, еле передвигая ноги. "Дойдем до бухты, соберу там совет, и проголосуем", – приняв решение, американец вздохнул свободнее. Ему очень трудно далось решение прекратить преследование, он видел, что только авторитет помощника Духа Макса Са, сдерживал аборигенов от немедленной расправы.

" Что будет, когда я предстану перед его женами? – от одной этой мысли, он покрылся потом, – рыжеволосая фурия меня пристрелит сразу, а смуглянка может даже будет пытаться."

Тиландер был здравомыслящим человеком, он сопоставил факты и пришел к неутешительному выводу, что Макс мертв. С его американской практичностью, следовало возвращаться в Плаж и позаботиться, чтобы существующий порядок вещей не нарушился, и семья Макса оставалась у власти. Но угрюмые лица его спутников говорили о другом.

– Мы поговорим с оставшимися людьми и вернемся в степь, искать нашего правителя, – он впервые так назвал Макса и увидел, как немедленно разгладились лица Гау и Бара, как заулыбались гребцы Выдры. Раньше Тиландер считал, что среди Выдр имеет не меньший авторитет, чем сам Макс, но ему ясно дали понять, что главный и непререкаемый авторитет здесь всего один.

Гребцы Выдры, оставшиеся на «Акуле», пришли в ярость, узнав, что случилось. Решение было единогласным, искать Макса до тех пор, пока не найдут и отомстить за смерть Маа. С великим трудом Тиландеру, Гау и Бару удалось убедить троих гребцов в необходимости остаться на драккаре и охранять судно. Даже не отдохнув, поисковая группа из Тиландера, Бара и Гау с семнадцатью Выдрами, снова выдвинулась на поиски.

До места, где нашли останки съеденного человека, группа шла практически бегом, прошло двое суток и третьи были на исходе. За это время примятая трава расправилась и дальнейшее продвижение было затруднено, след терялся и приходилось часами рыскать по округе в поиске следа. Племя людоедов двигалось на север, на пятые сутки преследования, Тиландер с воинами наткнулись на обглоданный скелет антилопы. Раздробленные рубилами кости животного свидетельствовали, что несколько дней назад, здесь хозяйничали дикари.

На седьмой день группа вышла в настоящую саванну с высокой травой. Несколько раз след терялся, но опытные Выдры находили его по каким-то приметам или особенностям. Еще через два дня, Тиландер понял, что они окончательно потеряли след, никто из Выдр уже полдня не мог найти следов проходившего здесь племени. Преследователи еще сутки шли прямо, затем снова устроили совещание. Практически все, кроме Бара склонились к мысли, что дикари ушли на восток, потому что на север уже становилось прохладнее.

– Мы будем описывать круги, постепенно увеличивая радиус, пока не наткнемся либо на следы, либо на самих дикарей, – подвел американец итог обсуждению. За десять дней преследования, когда люди шли на пределе человеческих возможностей, ни один из них не заикнулся об усталости или не выразил сомнения в том, что Макс мертв.

– Макс Са Великий Дух, он не может уйти в поля Вечной Охоты, пока сам того не решит, – эти слова, сказанные на седьмой день преследования Баром, были встречены гулом одобрения. Тиландер понял, что пока они не найдут самого Макса или его останки, возвращение в Плаж откладывается на неопределенно долгий срок.

* * *

Если бы Эллочка-людоедка из «Двенадцати стульев» попала в каменный век к племени Ха, ее психика сломалась бы на третьи сутки и она умерла бы от черной зависти. Если Эллочка обходилась тридцатью словами своего лексикона, то Ха употребляли вдвое меньше. Само слово «Ха» имело не меньше десяти смысловых значений. Это было и самоназвание племени, это было и обращение к человеку, когда требовалось привлечь его внимание. Этим же словом обозначался общий сбор и сильное удивление. В принципе можно было говорить «Ха», выражая согласие или несогласие, все зависело от интонации. Было еще два слова, смысловые значения которых мне были относительно понятны: «Га» и «Да». Первое вольно трактовалось как «встать, ходить, бежать, бояться, опасность». Словом «Да» обозначались глаголы «принеси, дай, возьми, кушать, пить». Возможно, что были и еще какие-то смысловые нагрузки, но мне был понятны лишь эти.

Словом «ял» обозначалась пища, любая пища от корешков до мяса и рыбы. Рыбу неандертальцы добывали нехотно, используя копья с каменными наконечниками. Словом «су» обозначалась вода, река, дождь. Большинство указаний давалось без слов, жестами и эмоциями. Мимические мышцы неандертальцев были развиты так сильно и пребывали в таком тонусе, что выделялись под кожей лица. За десятый день пребывания в племени, я не заметил между дикарями даже малейшей ссоры или склоки. Указания вождя выполнялись беспрекословно и моментально. Женщины у них были на третьестепенных ролях, даже дети имели больше прав судя по тому, что первыми после мужчин на еду набрасывались они.

Сами женщины были такими страшными, что на их фоне женщины моего объединенного племени казались моделями премиум класса. Сутулые с большим обвислым животом, с висячей грудью, которая практически скрывалась в густых волосах, они производили отталкивающее впечатление. В племени не существовало семейных пар, сокоупление производилось по выбору мужчины и практически на виду у всего племени. Иногда одна женщина терпела несколько мужчин по очереди и, поднявшись с колена—локтевого положения, просто продолжала прерванную работу. Занимались женщины в основном поиском растительной пищи, скоблением шкур каменными скребками и изготовлением каменных рубил.

Сегодня был десятый день моего плена. Все это время мы шли, останавливаясь только на охоту, или для того, чтобы женщины раскопали коренья. В отличие от кроманьонцев, неандертальцы куда сильнее нуждались в пище. Меня поражало количество мяса, которое они съедали после удачной охоты. Их выпуклые свисающие животы становились, словно обтянутые кожей барабаны. Помимо этого, дикари не брезговали падалью и остатками добычи хищников. Наткнувшись на парочку леопардов, которые расправлялись с добытой антилопой, по знаку вождя дикари устремились вперед, потрясая дубинками и выкрикивая «Ааргх!»

Испуганные леопарды ретировались, а мужчины набросились на тушу, полосуя ее каменными рубилами. Отрезая длинные узкие куски мяса, они сырыми отправляли их в рот, жевали и с гримасой проталкивали дальше в пищевод. Обычно неандертальцы разжигали костер кусками кремня, но сейчас вдали показался львиный прайд, и дикари спешили. Частично насытившись, мужчины уступили место детям и женщинам. Те в свою очередь, толкаясь, набросились на остатки антилопы. Меньше получаса прошло, когда от животного остался практически начисто обглоданный скелет.

– Ха, – прозвучал повелительный голос вождя, напоминавшего своим обликом медведя, и племя выдвинулось в путь.

Первые дни я ежесекундно думал о побеге. Но двое воинов всегда находились рядом, цепко глядя на меня из-под косматых бровей. Относительную свободу передвижения я получил лишь вчера. Всё это время мы постоянно петляли, поэтому я мог только примерно определить направление, откуда мы шли. Идти сквозь саванну, полную хищников, без огня и оружия, было самоубийством. Оставалось надеяться, что мы снова вернемся к горной гряде, где меня захватили.

За эти десять дней по моим подсчетам мы прошли не меньше четырехсот километров. Первые несколько дней болели мышцы ног. Я не привык находиться в пути по двенадцать часов подряд практически без остановок. Потом я втянулся в ритм, и идти стало легче. Сегодня был десятый день, и вождь вел нас, ориентируясь по понятным только ему приметам. Мы шли по саванне сквозь вымахавшую в человеческий рост траву. Посреди этого травяного океана наш ведущий сворачивал то направо, то налево и безошибочно подводил нас либо к ручью, либо к роднику. От реки мы ушли на четвертый день, поэтому пить приходилось от случая к случаю. В племени не было ни сосудов, ни бурдюков для воды. Добравшись до воды, дикари пили впрок так много, что я слышал бултыханье воды в желудках у идущих рядом. Солнце стояло в зените, но палило не так сильно. Я не мог выпить столько, сколько пили дикари, и пытался придумать, из чего мне сделать сосуд для переноски воды.

Внезапно движение остановилось. Я не успел среагировать и столкнулся с женщиной, которая шла впереди. Сквозь высокую траву мне было видно, как вождь настороженно нюхает воздух.

– Да, – сказал он, показывая рукой на запад.

Я старательно втянул воздух, но кроме запаха трав и пыли, ничего не ощутил.

– Ха, – прозвучала новая команда в совершенно новой интонации

Мужчины, осторожно ступая, собрались вокруг вождя. Стараясь не наступить на сухую веточку, я тоже осторожно приблизился. Вождь поочередно всматривался в лица мужчин, словно мысленно общаясь с ними.

– Да, Ха, – шепотом произнес дикарь, вложив в эти слова нейтральное звучание. Дикари по одному стали пропадать в высокой траве, расходясь полукругом. Дождавшись пока последний исчезнет в траве, вождь посмотрел на меня и еле слышно произнес, уже ставшее мне ненавистным «Ха». Он шагнул в траву, и я последовал за ним, гадая, что учуял его широченный нос. Мы прошли около двухсот метров, когда я почувствовал запах дыма. Вначале мне показалось, что я ошибся, но с каждым шагом запах становился сильнее.

Трава стала редеть и вскоре мы оказались у зарослей кустарника. Сейчас было даже слышно, как потрескивает огонь, пожирая хворост. Внезапно лицо вождя разгладилось, и он удовлетворенно выдохнул:

– Ха.

Уже не таясь, он зашагал среди кустарников. Я заметил, как слева и справа из травы поднимались дикари нашего племени, которые ушли в заросли раньше нас. Миновав первые кусты, вождь остановился и громко с миролюбивыми интонациями произнес:

– Хааа.

– Хааа, – донеслось с такой же интонацией из чащи.

Секунд десять спустя, раздвинув ветки, появился новый персонаж, как две капли похожий на дикарей, с которыми я пришел. Оба дикаря прошли друг другу навстречу и остановились, положив руки на плечо своего визави. На моих глазах вождь и чужой дикарь тщательно обнюхали друг друга и потерлись носами. Несколько человек из чужого племени высыпали из-за кустов и криками «Ха!» приветствовали нас.

Мы нырнули в проход между кустами и оказались на просторной поляне, окруженной со всех сторон низкорослыми деревьями и кустарником. Посреди поляны горел огонь. Видно было, что зажгли его недавно, потому что углей еще не было. Метрах в десяти от костра лежала туша буйвола, но не такого, какие были у меня в Плаже, а другого вида. Рога у этого буйвола были выдвинуты вперед и смотрели словно копыя.

Видимо буйвола застали на этой поляне и истыкали копиями насмерть. Треть поляны была в багровых пятнах, а шкура его была с одного бока продырявлена в семи местах. Местных неандертальцев было пятеро. Они стояли на ногах, а шестой лежал в стороне, видимо оказав-

шись не таким ловким. С первого взгляда я понял, что дикарь не жилец – буйвол попал рогами ему в живот и распорол его. Кишки дикаря частично вывалились на траву, и он двумя руками пытался их собрать и затолкать внутрь. Получив такую страшную рану, дикарь не стонал, но движения его становились всё более вялыми, а взгляд тускнел.

Видимо охота закончилась буквально несколько минут назад, потому что кровь буйвола еще не свернулась. Не обращая внимания на раненого товарища, местные и вновь прибывшие, приступили к разделке добычи. Сняв шкуру с одного бока, они отрезали куски мяса рубилами и, насадив их на палку, клали в огонь. Вождь мотнул головой, и один из молодых дикарей исчез в чаще, направляясь за женщинами и детьми. По воздуху поплыл дразнящий аромат мяса, которое начало обугливаться на огне.

Каждый раз, когда жарилось мясо, я вспоминал, как дикари ели руку Маа, и в душе у меня поднималась ненависть к этим людоедам. Но я был голоден. Поэтому, стараясь не нервировать местных, я приблизился к туше. У меня не было своего рубила, и мясо мне обычно отрезал кто-то из дикарей. Вождь местных посмотрел на меня налитыми кровью глазами.

– Ха? – в вопросе явственно звучала угроза.

– Ха, – как можно миролюбивее ответил я, желая не нарываться на конфликт.

Но случилось неожиданное – вождь бросил рубило и подошел ко мне. Я ожидал все что угодно, но только не этого. Посчитав, что мои шорты, сделанные из шкуры, являются просто набедренной повязкой, вождь схватил ее за нижний край и попытался поднять. Но шорты не набедренная повязка и не килт, их так не поднимаешь. Встретив сопротивление, вождь своей запачканной в крови пятерной полез внутрь и, наткнувшись на моё мужское достоинство, удовлетворенно выдохнул:

– Ха, – теперь в голосе не было угрозы, скорее удовлетворенное любопытство.

– Ты что педик, урод, куда лезешь! – я грубо оттолкнул дикаря.

Меня подмывало врезать ему кулаком в челюсть и отправить в нокаут, но, скорее всего, после этого меня самого отправили бы к праотцам. Я даже скрипнул зубами и прокусил губы, чтобы не дать волю рукам. Дикарь, услышав от меня целую фразу, впал в ступор. Его глаза округлились, выдав крайнюю степень изумления.

– Ха?

– Ха, – откликнулся вождь нашего племени, словно говоря: «да, именно так». Местный метнулся к туше буйвола и отхватил солидный кусок мякоти с ляжки. Вернулся и протянул мне, глаза его горели, и в них читалась просьба.

– Может, мне еще клоуном заделаться, чтобы вы уроды кайфовали, – вспыхнул я от гнева, принимая протянутый кусок.

На лице дикаря выступило такое умиление, что я рассмеялся и добавил:

– Ну, ты тупая обезьяна, даже речь вам в диковинку, немудрено что вы вымерли, уступив место более умным и развитым.

Не знаю, был ли у вождя местных оргазм от моей речи, но задышал он так, словно час работал над достижением этого явления. Он вернулся к туше и снова обнюхал вождя, переговариваясь односложными восклицаниями.

Я поискал взглядом палку и, не найдя подходящей, обломал ветку кустарника. Насадив свой кусок мяса, присел у костра, чтобы равномерно прожарить мясо. До моего слуха долетали восклицания «беседы» двух вождей. Кроме надоевшего «ха», проскакивали слова «да», «га» и один раз новое слово «Уд». Ранее этого слова я не слышал и обернулся, чуть не выронив от удивления мясо из рук. Оба вождя уже стояли, набычившись и сжимая кулаки, упёршись друг в друга лбами.

– Уд, – отчетливо сказал дикарь, который проверял мою половую принадлежность.

– Уд, – откликнулся вождь, с племенем которого я жил последние десять дней.

Даже не зная значения этого слова, я понял, что назревала драка, и решение о драке принято обоими. Но, к моему удивлению, оба вождя сели и принялись за трапезу. Дикари с разных племен вообще и ухом не повели при этих разборках.

Тут раздвинулись кусты и на поляну высыпали женщины и дети нашего племени, бросая голодные взгляды в сторону туши. Прошло не меньше часа, прежде чем все мужчины наелись и легли на спину, выставляя под лучи солнца округлившиеся животы.

Дети и женщины кинулись к туше, и минут сорок было слышно только чавканье, сопенье и рыганье. Наевшиеся мужики периодически пускали газы так часто, что, на мой взгляд, даже воздух на поляне сгустился. Мне была интересна внезапно возникшая ссора, которая не получила продолжения. Я смутно догадывался, что причиной ссоры была моя персона. Местный вождь явно что-то просил, а вождь из моего типа племени, ему отказал. И это что-то, скорее всего, называлось Максимом Серовым. Меня ужасно угнетала роль покорного члена племени людоедов. В первые дни страшная рана на голове, которая к моему удивлению, несмотря на жару, практически затянулась, не давала мне возможности предпринять какие-то активные действия. А сейчас мы так далеко ушли от знакомых мне мест, что мне трудно было бы вернуться назад, не имея ориентиров в этом море высокой травы. Да и оружием следовало разжиться, прежде чем предпринимать побег.

Мой самодельный меч-мачете вождь не выпускал из рук. Он даже несколько раз порезался из-за неосторожного обращения с оружием, но неандертальца такие мелочи не волновали. Остальные дикари племени были вооружены тяжелыми дубинками и у троих были каменные топоры. Небольшие рубила, которыми потрошили добычу и отрезали куски мяса, были у всех, даже у детей и женщин. Пока я размышлял, как и когда мне попытаться бежать, большинство дикарей заснуло. Наконец женщины и дети тоже наелись, от буйвола осталось только половина туши. Я не верил своим глазам, если навскидку, то получалось, что каждый в среднем съел не меньше семи-восьми килограммов мяса. Часть, конечно, лежала недоеденная, еще часть дикари просто пережгли, но суммарное поглощенное количество мяса, впечатляло.

На какое-то время все практически затихли, устроившись поудобнее. Я тоже решил отдохнуть и лег рядом с недоеденной тушей, положив ноги на голову буйвола. Так отдохнут ноги, да и приток крови в голову не помешает. Теперь надо серьезно обдумать свое положение. Мое умение говорить вызывало у дикарей неподдельный интерес и изумление. Это могло сослужить мне как хорошую, так и плохую службу. Следовало каждый раз определять риски и лишь, потом открывать рот.

Если бы была возможность заполучить свой меч и кремень для разжигания огня, я бы, не раздумывая, ушел к берегу моря, несмотря на опасность встречи с животными или дикарями. Но вождь не расставался с мечом, даже сейчас он держал его в руке, частично подложив под волосатый зад. Трезво обмозговав свое положение, я пришел к выводу, что пока мне придется мириться со своим положением не то пленника, не то члена племени. Сейчас разгар лета, мы упрямо идем на север. Но лето быстро пройдет и потом наступит осень, вместе с которой придут холода. И дикарям придется спускаться к югу, ближе к местам, которые мне знакомы.

Как только мы окажемся вблизи побережья, уже ничто меня не удержит. Я пройду эти тысячи километров по берегу моря, какие бы трудности не встретились на моем пути. Мне есть ради чего стараться, в этом мире есть родные мне люди. Есть мои жены и дети, мои друзья. Мне просто надо продержаться несколько месяцев, а потом все изменится. Немного беспокоило то, как воспримут люди в Плаже известие, когда Тиландер вернется и объявит меня мертвым.

К кому перейдет власть, кто станет править – американцы или моя семья. На стороне американцев знания и ум современного человека, но Миа имеет своих воительниц, а Нел и ее братья имеют всю армию. В лояльности Лара моей семье я не сомневался. Но и сомневаться в Лайтфуте и Тиландере не хотелось.

Однако власть заманчива... Она ломает даже самых стойких и преданных, заставляя забывать клятвы верности и родство. История знает столько примеров, что трудно верить в бесконечную преданность идеалам.

В любом случае, первое время в Плаже кардинально ничего не изменится. Даже, если американцы и захотят взять власть, с наскоку этого не сделать. Огнестрел хранится во дворце, и Нел прекрасно знает его опасность в чужих руках. У Тиландера есть винтовка, которую я выдал ему на время экспедиции, но там даже магазин неполный был, семь или восемь патронов. Бар наверняка подумает о возможном захвате власти и, скорее всего, призовет Рага в Плаж, отправив в Форт замену. А если Гау, Бар, Лар и Раг будут на одной стороне, то все племя Русов будет их поддерживать.

Лежащий рядом дикарь заворочался, звучно выпустив газы. На мгновение у меня даже перехватило дыхание от удушья. Думаю, что у меня есть в запасе примерно полгода, может даже больше, прежде чем пошатнутся устои в племени Русов. Проблемы в племени возникнут при природных явлениях типа сильной засухи или нашествия саранчи. Или, если снова вторгнутся черные орды и пойдут серьезные потери среди Русов.

Прошло около двух часов с момента окончания трапезы. Вождь, наконец, заворочался и встал. Взгляд, брошенный им на дикаря, который до этого лез к нему с просьбами, не сулил ничего хорошего.

Глава 3. Уд

Бытует мнение, что первобытные люди, как неандертальцы, так и кроманьонцы, только тем и занимались, что постоянно враждовали и убивали друг друга. За шесть лет, которые я провел на этой первобытной планете, мне крайне редко приходилось видеть, чтобы дикари враждовали и ссорились внутри племени. Между племенами была вражда, лютая ненависть, выражавшаяся даже в поедании людей. Многие дикари верят, что, съев смелого и сильного врага, они получают часть его силы и смелости. В большинстве своем каннибализм несет в себе ритуальный смысл и лишь во времена голода он становится необходимостью среди дикарей.

То что мне, как и любому цивилизованному человеку, казалось дикостью, являлось одним из законов природы: родители поедают своих детенышей, как в животном мире, так и среди первобытных людей во времена сильного голода. Здесь есть логика – если родители умрут от голода, детёныши в любом случае будут обречены. Если родители выживут, съев свое потомство, они смогут произвести его еще не один раз. Не будь таких жестоких законов природы, возможно, человечество просто не могло бы оправиться от серьезных климатических катастроф.

Все эти рассуждения, конечно, спорны, но что я мог знать о них? Да, я прослушал в свое время несколько лекций Дробышевского про первобытных людей. Знай, что попаду в каменный век, слушал бы внимательно, а сейчас приходилось напрягать извилины, чтобы вспомнить хоть какие-то фразы. Мне повезло, легко подчинив племя Гара, я без труда присоединил и племя Уна. Выдры практически пришли сами, а Нига меня упросила взять Миа. Мой авторитет, знания и огнестрельное оружие произвели на дикарей такое впечатление, что Русы дружно уживались между собой. Все помнили охотника, убившего свою жену, чей труп после казни выбросили в море.

Потом на помощь пришла и сама природа с землетрясением, грозами и солнечным затмением, после чего шаман Хер стал первым богословом в каменном веке. Его постоянные напоминания о силе и могуществе Бога, чьим посланником он меня провозглашал, тоже держали Русов в повиновении и дисциплине. Даже черные дикари, попавшие в плен и ставшие полноправными Русами, приняли уклад моего Правила Десяти. Все шло хорошо, пока я по неосторожности не попал в плен и теперь был не Великим Духом Макс Са, а обычным дикарем из племени неандертальцев, владевших односложными словами.

Оживление на поляне оторвало меня от размышлений. Видимо начинался Уд, потому что все уже были на ногах и усаживались на землю в ожидании зрелища. Оба вождя, к чему-то готовились: растирали себя руками, били по щекам, монотонно завывали. То, что произошло в дальнейшем, поначалу чуть не ввергло меня в ступор, а через секунду я уже еле удерживался от смеха, чтобы не привлечь к себе внимания.

Вождь охотников сорвал с себя кусок шкуры и продемонстрировал солидный детородный орган в состоянии эрекции. Однако вождь нашего племени не остался в долгу и таким же жестом показал всем, что ничем не уступает сопернику. Разочарованный гул прокатился по поляне. Видимо, это был первый раунд, который закончился ничьей.

Я и сам был немного разочарован – вместо боя соперники вышли и померялись пиписками. Даже не помню, было ли такое соревнование или такой поединок в истории моей Земли. Куски шкур соперники вновь замотали вокруг бедер, и начался второй раунд, который я назвал бы пантомимой. Оба вождя по очереди делали страшные лица, гримасничали и издавали нечленораздельные звуки, имитируя рев животных. Судя по всему, тут тоже никому не удалось одержать вверх. Гул снова прокатился по поляне. Соперники оказались под стать, никто не желал отступить.

Это становилось интересным, и я почему-то подумал, что теперь неандертальцы выйдут и разобьют друг другу головы каменными топорами или дубинами. Вождь охотников, который нас так приветливо встретил и поделился добычей, взял в руки свой каменный топор. Эти действия сопровождались одобрительным гулом. Видимо, наступала развязка. К моему удивлению, наш вождь не вооружился и стоял в центре поляны, опустив руки и вперив тяжелый взгляд в противника.

«Претендент», так я про себя окрестил вождя охотников, добывших буйвола, с громким ревом полетел на соперника, подняв дубину над головой. «Хана людоеду», – промелькнула у меня мысль, когда дикарь со всего размаха стал опускать топор. Но в последний момент он увел его в сторону и при ударе о землю еле удержал этот топор в руках. Сцена с боковым замахом повторилась еще несколько раз, в том числе и с атакой со стороны спины. Но вождь-мишень даже не шевельнулся.

Претендент бросил свой топор и теперь уже сам встал неподвижно в центре поляны. Роли поменялись, и теперь он был мишенью, а его противник всячески изощрялся, стараясь его напугать. Но и здесь результат оказался ничейный, после чего противники разошлись. Пару минут стояла тишина, которую прервал претендент, снова громогласно выкрикнув:

– Уд!

Не знаю, может я ошибся, но сейчас это слово прозвучало зловеще. Однако дикари с обеих сторон встретили его радостным уханьем. Оба дикаря были примерно одинаково сложены, хотя претендент мне показался чуть более мускулистым. И он явно был моложе, на мой взгляд, ему было примерно лет двадцать. Вождь нашего племени был старше лет на десять, возможно это был не первый Уд в его жизни. Но с таким молодым и сильным противником он мог стать последним.

Оба вождя взялись за свои топоры и, слегка пригнувшись, сделали несколько шагов навстречу друг другу. Если наш вождь шел спокойно, держа топор обеими руками, то молодой претендент шел, явно порываясь ринуться в атаку. Топор он держал левой рукой, что меня сильно удивило, так как до сих пор мне встречались только правши. Когда между дикарями осталось около семи метров, молодой ринулся в атаку, целясь широким размашистым замахом в голову противника. Вождь увернулся от удара и в свою очередь нанес по противнику удар по горизонтали.

Несмотря на свои коренастые и неуклюжие фигуры, оба дикаря двигались превосходно. Мне впервые приходилось видеть бой неандертальцев со стороны и признаюсь, их скорость и ловкость меня неприятно поразили. В моем представлении это были увальни типа Кангов, с которыми мне дважды пришлось сражаться. То ли Канги были с заторможенной реакцией, то ли эти дикари были с другой лиги, но разница между ними была громадная. Я даже не мог навскидку определить, кто более ловок – мои кроманьонцы или эти неандертальцы. Пожалуй, только покойный вождь черных Сих заметно превосходил в ловкости и реакции этих двух дикарей, что схватились насмерть из-за говорящего человека.

Молодой снова ринулся в атаку, но, если пару минут назад я ставил на него, то теперь его торопливость позволяла предположить, что его можно легко подловить. Так и случилось, когда он, вложившись в удар со всей силой, промахнулся. Инерция удара была столь велика, что претендента повело вслед за топором и он, сделав два шага, подставил спину противнику. С противным глухим звуком, напоминавшим чавканье ног в грязи, каменный топор вонзился в заросшую волосами спину.

Глухой стон сорвался с губ претендента, мощные широченные ноги, усеянные буграми мускулов, подломились и он упал на колени. Вождь рывком выдернул свой топор из спины противника, который тут же завалился назад.

Бой был окончен. Поставив ногу на поверженного противника, победитель издал рычание и закончил его зловещим «Уд», произнесенным с ликованием в голосе. Никто не отозвался на вызов. Вождь обвел глазами всю поляну и снова повторил:

– Уд!

Убедившись, что больше никто не оспаривает его власть, и говорящая игрушка остается у него, он показал топором на четверых соплеменников убитого противника.

– Га!

На этот приказ встать и повиноваться все четверо отреагировали мгновенно. Подбежав к вождю, они присели у его ног, сгорбившись, словно побитая собака. Только хвостов, поджатых между ног, не хватало для полной аналогии.

Вождь пару секунд помедлил и затем произнес:

– Ха?

В этом возгласе мне почудился вопрос, и я вспомнил, что такая же интонация была, когда меня принимали в племя.

– Ха! – откликнулись все четверо.

В их голосах чувствовалась покорность. Инцидент был исчерпан, победитель потерял интерес к соплеменникам побежденного и снова засел за трапезу, к которой стали присоединяться и остальные мужчины-дикари.

Я подошел к побежденному, грудь которого еще вздымалась и глаза осмысленно смотрели на мир. Под взглядами дикарей я, поднатужившись, перевернул его на живот. На спине прямо по позвоночнику зияла страшная рана, из которой текла кровь. В ране был виден край раздробленных грудных позвонков. С такими ранениями пострадавший не выжил бы и в современном мире. Острие топора просто перебило несколько позвонков, раздробив их на мелкие кусочки, и оставило рану, в которую мог влезть мой кулак. Даже если бы человек выжил с такой раной, он на всю жизнь остался бы парализованным. Могучее тело хотело жить, но даже такой организм был бессилён. Претендент умер через минуту, обмочившись перед смертью и громко выпустив смердящие газы.

Кушать мне не хотелось, я даже не успел проголодаться, однако дикари ели так, словно неделю обходились без пищи. Под властное «Да», сказанное вождем, все мужчины, перевернули тушу буйвола, чтобы добраться до стороны, которая лежала на земле и была нетронута. Когда мужчины насытились, все повторилось снова – опять на остатки налетели женщины и дети. Отрезав рубилом кусок, они насаживали его на палку и жарили на костре. Не дожидаясь готовности, они вгрызались в него зубами, по их подбородкам текла кровь, смешанная со слюной.

Волосатые тушки дикарей снова устроились поудобнее, настраиваясь на отдых после еды. Солнце клонилось к горизонту, и сытые женщины вместе с детьми стали собирать хворост.

Я заметил одну особенность, пока был с дикарями: указаний насчет поиска растительной пищи или хвороста для костра женщины никогда не ожидали. Эти функции у них были отработаны до автоматизма: как только племя останавливалось на ночь или для еды, женщины и дети сразу разжигали костер и терпеливо ждали, пока наедятся мужчины. И снова мне вспомнились слова Дробышевского, когда он давал характеристику кроманьонцам и неандертальцам: «Кроманьонцы хаос и изобретательность, неандертальцы дисциплина и порядок». Или что-то в этом роде, дословно вспомнить уже было трудно.

Я отошел в кусты, чтобы справить нужду. Слово по своей надобности неподалеку присел дикарь. Мне по-прежнему не доверяли полностью. Я не видел, чтобы кто-то давал указания присматривать за мной, но с дисциплиной в племени был порядок. Сказанное один раз не приходилось повторять дважды. За десять дней, проведенных в племени, лица неандертальцев успели мне примелькаться. В первый день они казались все на одно лицо, безобразные

с огромными надбровными дугами и густыми бровями. Покатый лоб скрывался в длинных грязных волосах, глаза смотрели цепко, словно просвечивали рентгеном.

У них был идеальный слух и просто невероятное зрение. Даже мои прежние соплеменники Русы, состоявшие из разных племен, не имели такого слуха и остроты зрения. Дети замечали ящериц в траве с тридцати-сорока метров – на таком расстоянии трава мне казалось просто зеленой стеной. Жучков, личинок, пауков, неандертальцы ловили очень ловко, практически не останавливаясь. Если бы меня спросили, что я больше всего запомнил за эти десять дней, находясь среди них, я ответил бы, не задумываясь: жующие челюсти. Жевали всё, кончики травы, которые срывали во время движения по саванне, листья с кустарников, даже пару раз видел, как обдирали кору с молодых деревьев. Даже сейчас, нажравшись мяса так, что животы стали похожи на мячи, половина племени жевала листики, срывая их с кустов.

Солнце скрылось за горизонтом, и ночь быстро накрыла нас теменью, принося с собой прохладу. Даже с моим несовершенным слухом ночь была полна звуков. Где-то далеко слышался рык льва, хохотали гиены и в траве шуршали мелкие зверюшки. Ночь вступила в свои права, открывая охоту на слабых и беззащитных. Люди потихоньку придвигались к костру, который горел в центре поляны, отбрасывая тени человеческих силуэтов.

Пока было тепло, я тоже спокойно лёг спать в некотором отдалении. У неандертальцев оказалось тьма вшей. И, хотя я старался ограничить контакты, эти крупные неандертальские вши особой породы перешли на меня. Из колючек я смастерил себе примитивный гребень и каждый раз, укладываясь спать, тщательно расчесывал пока еще короткие волосы. Неандертальцы боролись со вшами как обезьяны – осматривая друг друга и поедая найденных вшей. Этот вариант мне не подходил, и я мучительно пытался вспомнить методы борьбы с педикулезом с помощью народных средств. Но, кроме регулярного купания с мылом, в голову ничего не приходило.

Где—то в подсознании засело, что лук, чеснок или кислота может вытравить всю эту гадость, но ничего из перечисленного у меня не было. Оставалась надежда окончательно избавиться от вшей, избавившись от их рассадника – неандертальцев.

Понемногу все на поляне погрузились в сон, часовых дикари никогда не оставляли. В отличие от дневного отдыха, когда половина племени храпела, сейчас все спали без храпа. Малейший шум приводил к тому, что несколько голов поднимались и осматривались вокруг. Первое время это раздражало, но потом я привык и даже радовался тому, что спят они так чутко.

Утром я проснулся последним. Даже дети были на ногах и голодными взглядами косились на остатки туши буйвола, к которой уже подсаживались мужчины. Снова запахло жареным мясом, что вызвало у меня обильное слюноотделение. Воды, чтобы помыть руки, не было, поэтому, торопливо вытерев их о самого себя, скорее рефлекторно, чем надеясь на очищение, я тоже поспешил к тушке. Слабый запах начинающегося портиться мяса, чувствовался уже при подходе. Ближайший дикарь отрезал кусок мяса и протянул мне. Взяв его, я понюхал. Запах гниения практически не ощущался, скорее всего, испортились недоеденные куски тибухи, которая валялась под ногами.

Я тщательно прожарил свой объемный кусок на огне, лучше пусть будет обуглившееся мясо, чем паразиты и бактерии в нем. Ел не торопясь, здесь не принято вырывать куски мяса друг у друга, это не жадные кроманьонцы. Даже дети не воровали и не забирали куски у более слабых, все было подчинено строгой иерархии и порядку, который никто не нарушал. Когда мужчины наелись, от туши буйвола уже оставалась только шкура и скелет с остатками мяса, которые не срезали каменные зубила.

Женщины и дети теперь более тщательно подбирали еду, которую оставили вчера. В ход пошла и требуха, пренебрежительно недоеденная вчера. Когда все насытились, вождь разрезал шкуру буйвола на четыре части и раздал воинам, которые вчера выразили покорность после

смерти своего предводителя. Тот лежал с почерневшей раной, над которой вились насекомые и орудовали муравьи, становившиеся пищей для не наевшихся женщин и детей.

– Ха, – последовала команда, и племя быстро выстроилось по-походному.

Впереди и сзади стояли воины, женщины и дети были в середине колонны. Еще раз, скользнув глазами по поляне, и на секунду задержавшись на убитом, вождь двинулся к выходу их зарослей кустарников, которые так заботливо скрывали нас от посторонних глаз, давая ощущение защищённости. Теперь я занимал место не с женщинами и детьми, а гордо следовал рядом с вождем. Мой карьерный рост начался, пусть и черепашими темпами. И, если нельзя сбежать от этих дикарей, то я просто возглавлю их, и они сами приведут меня туда, куда я захочу. Просто не надо торопиться, пока есть время надо присмотреться и все тщательно продумать. Вчерашний бой-поединок показал, что если ты выигрываешь, то все в твоих руках.

Совсем недавно я был Великим Духом Макс Са, который объединил четыре племени и создал относительно цивилизованное поселение. Сейчас я рядовой неандерталец, которому до конца не доверяют, но кто сказал, что стремиться к лучшему это плохо? Да и плох тот солдат, что не мечтает стать генералом.

* * *

Шел десятый день поисков Макса: след дикарей был давно потерян и как ни старались преследователи, не удавалось напасть на след. Неандертальцы передвигались босиком, даже после прохода племени следов оставалось мало. Зачастую, только клочок шерсти на кустарнике или сломанная ветка могла быть свидетельством, что здесь прошли люди. С каждым новым днем, уныние охватывало Тиландера, который переживал за свое судно, оставленное в бухте в десяти днях пути.

Американец осмотрелся: впереди с левой стороны, на расстоянии около трех километров, чернели заросли кустарников. С правой стороны в северо-восточном направлении начались холмы, переходящие в довольно высокую горную цепь. Минут пять Тиландер мучительно думал, в каком направлении продолжить поиски. У него были смутные представления о жизни первобытных людей, но одно он помнил еще с детских книг: дикари предпочитали селиться в пещерах. Горы были впереди по правой стороне. Гау и Бар тоже согласились с этим аргументом, и поисковый отряд, горящий мстью, свернул направо и пошел вперед, отдаляясь от зарослей кустарников, где в этот момент отдыхали людоеды.

К подножью гор приблизились ближе к вечеру, Гау первым наткнулся на следы человеческих ног. На небольшом промежутке, где трава не росла, потому что был фрагмент песчаной почвы, четко были видны толстые следы человеческих ног. Бар даже вскрикнул, увидев изящный, по сравнению с другими следами, след правой ноги, оставшийся незатоптанным неандертальскими ногами.

– Это Макс Са, – от волнения парень почти задышался. Тиландер, опустившись на корочки, внимательно осмотрел след и поставил свою ногу в отпечаток. Они с Максом были одного роста, след практически совпадал со ступней американца.

– Это он, Гау, когда оставлены эти следы?

– Вчера, – Гау еще раз потрогал края отпечатка и даже понюхал землю. – Вчера, уверенно заявил он повторно, поднимаясь с земли.

Подгонять никого не было необходимости: воодушевленные люди ринулись вперед к темневшей гряде скал. Через полчаса, огонек костра заметил один из Выдр: костер горел на небольшом уступе, прямо в скале. Американец хотел остановиться и провести небольшое совещание, чтобы выработать план атаки. Но он недооценил привязанность этих людей Макссу: забыв о дисциплине и стратегии, Бар и Гау рванули к пещере, перед которой горел костер. Выдры бежали рядом, натягивая тетиву лука и вкладывая стрелы.

На площадке сидело несколько дикарей, которые подняли тревогу и еще пять мужчин высыпало наружу. Даже на бегу, Гау успел снять двоих, остальных утыкали стрелами как ежи-

ков, бежавшие рядом Выдры. Неандертальцы на освещенной костром площадке, оказались отличными целями. Бар первым ворвался в пещеру, нанося без разбору удары своим топором всем, кто попадался на пути. Через пять минут племя неандертальцев было истреблено: восемь мужчин, шесть женщин и трое детей.

Макса в пещере не нашли, но Бар первым заметил человеческие кости, лежавшие у первого костра на площадке и несколько костей у второго костра в глубине пещеры, где ели женщины и дети. Кости были свежие, на них практически не осталось плоти, голодные людоеды съели все. Обугленный череп был расколот в двух местах ударами каменного топора, чтобы съесть мозги. Холодея от плохого предчувствия, Тиландер нашел бедренную кость. Она совпала по длине с его бедром, американец медленно опустил на каменный загаженный пол пещеры.

Единственной его мыслью было желание умереть: не сверни он тогда погоню, не потеряй больше суток пока возвращался в бухту и обратно на поиски, Макс был бы жив. В том, что это его останки, не было сомнений: строение скелета неандертальцев сильно отличалось. Все убитые были широкоплечими и низкими, едва доставая до его подбородка.

Гау, Бар и остальные Русы были подавлены: их кумир, их великий Дух Макс СаСа, съеден словно добыча. Тиландеру казалось, что его прожигают ненавистью глаза всех присутствующих. Но его никто не винил, горе было такое, что некогда было искать виноватого. Как осиротевшие дети сидели они, собрав все кости скелета. Одна кисть так и не нашлась, несколько трубчатых костей было раздроблено на куски.

Могилу Максусу копали все: получился практически котлован, где на небольшом выступе аккуратно выложили собранные кости. Трупы неандертальцев сложили ниже ног, чтобы у Макса не было нехватки тех, кто будет прислуживать ему на Полях Вечной Охоты. Тиландера корежило от такого языческого обряда, но перечить он не посмел. Русы убили бы его моментально, если бы посчитали, что американец проявил неуважение к их вождю. Над могилой вырос солидный курган, который был виден довольно долго, когда отряд отправился обратно на юг, по своим следам.

Выйди они в дорогу на пару часов раньше, они могли бы увидеть отряд дикарей, который покинув заросли кустарника, что они видели вчера, отправился на северо-запад. И этот отряд уводил на север Макса, который остался жив, но еще не пользовался свободой.

Глава 4. Стоянка племени

Если бы мне удалось изложить свои приключения за шесть лет на бумаге и люди могли бы прочесть все это, любой воскликнул бы: «Дружище тебе везло невероятно, роли попадались тебе вовремя и по делу. Как ты можешь жаловаться на судьбу? Ты невероятно везучий сукин сын»

И это было бы правдой, но читать меня было некому. Мои Русы, которых я учил грамоте, находились далеко, да и, не зная реалий двадцать первого века, они не смогли бы оценить мое попаданчество. Но сейчас мое везение кончилось и, словно в насмешку, за все льготы, что давала мне судьба ранее, я оказался с пустыми руками, в племени неандертальцев-людоедов. Одним легким взмахом пера судьба перечеркнула все мои достижения и изыскания. И теперь мне оставалось только выжить, выжить без оружия, без технических преимуществ, выжить, будучи на одном уровне с дикарями.

У дикарей даже было некоторое преимущество – великолепный слух и острое зрение. У меня даже не было каменного топора, только суковатая палка, которую я подобрал по дороге, была единственным моим оружием.

Самая первая задача – не быть съеденным, пока была решена. Но неизвестно, как все пойдет, если не будет добычи, и вождь решит, что говорящий попугай ему надоел. Во время отдыхов для приема пищи или сбора корней он неизменно подходил и требовал разговора со мной. Разговор был односторонний, говорил я, а вождь каждый раз издавал удивленное «Ха!?!»

Сегодня шел восьмой день после Уда, на котором вождь отстоял право владеть мной, как бы меня не выворачивало такое сравнение с рабом или игрушкой, и убил претендента. Мы практически все время шли на северо-запад с недолгими остановками. Если мы проходили в день в среднем сорок километров, то уже наверняка находились в Европе. У меня не было с собой атласа, а по памяти всегда трудно сориентироваться. Ландшафт начал меняться, ночи становились прохладнее, по всем признакам мы продвинулись на север довольно далеко.

Все чаще попадались лиственные породы деревьев с преобладанием хвойных. Мелкие кустарники встречались реже, на деревьях попадался мох, четко обозначая северную сторону ствола. Я предположил, что мы находились где-то на территории Болгарии моего времени. Босфора еще не было, и мы спокойно перешли из Азии в Европу.

Мне казалось, что где-то справа должно быть Черное море. Странно, но его присутствия не ощущалось. Изменился не только ландшафт и растительный мир, изменения коснулись и животного мира. Антилопы практически не попадались, но стали встречаться зубры или похожие на них быки, бродившие стадами. Дважды мы наткнулись на следы мамонтов, но самих мамонтов я пока не видел. Сегодня с утра мы шли по редколесью, саванна окончательно осталась сзади. Вождь отлично ориентировался в этих местах и шел, не сбавляя скорости. Через полчаса ходьбы лес расступился, и мы вышли на равнину, которая простиралась до холмов на северо-западе. Среди дикарей племени чувствовалось какое-то возбуждение. Обычно невозмутимые дикари скалились и были необычайно оживлены.

Вдалеке, ближе к холмам блестело водной гладью небольшое озеро.

– Ха! – в голосе вождя была радость.

– Ха! – с радостной интонацией вразной отозвалось племя.

Прошло около часа, пока мы подошли к озеру вплотную. Само озеро имело неправильную форму, и было вытянуто с юга на север. В длину оно достигало около пятисот метров, а в ширину было не больше семидесяти. Со стороны холмов с севера змеилась небольшая речушка шириной не более трех метров, которая впадала в это озеро.

Это точно было место стоянки людей: куча костей животных была аккуратно уложена небольшой пирамидкой. Видно, животные наведывались сюда, потому что некоторые кости

были разбросаны по всей территории. Прямо у самого берега высились скалы, занимая примерно площадь футбольного поля. Скалы и валуны были разбросаны так, что практически образовывали незамкнутый круг. Внутри этого нагромождения вел проход шириной около двух метров.

Вслед за вождем мы вошли в этот проход и оказались внутри площадки, защищенной со всех сторон скалами и валунами. Следы костров были видны повсюду, видимо это место не первый год использовалось как стоянка. Несколько испорченных каменных топоров и обрывки шкур валялись у подножия валуна. На одном участке отвесной скалы, которая защищала стоянку от ветра с северной стороны, виднелся отчетливый отпечаток сажи в форме человеческой ладони.

Внутри территория стоянки поросла мелкой травой, которая пробивалась через камни и щебень. Речка оставалась в пятидесяти метрах справа от входа в укрытие, а до озера было не больше двадцати метров. Наше племя поместилось тут с комфортом, при этом места оставалось еще такого же количества людей. И снова, без какой-либо команды вождя, женщины и дети отправились за хворостом. Не прошло и получаса, как один угол площадки был завален ветками и хворостом на несколько дней приготовления пищи.

Пятеро дикарей, повинаясь взгляду вождя, ушли на охоту, взяв деревянные копья и каменные топоры. Часть женщин и детей сразу отправилась к берегу озера, у которого росло множество неизвестных мне растений. Добытые корешки и стебли растений они высыпали на шкуру, возле которой уже сгрудились дикари во главе с вождем.

Я не чувствовал сильного голода и решил посмотреть, какие именно растения собирали женщины. Растения были двух типов: первые были похожи на камыш и росли прямо в воде. Их добывали, погружая руки в воду и выдергивая с корнями. Верхняя зеленая часть отрывалась и выбрасывалась, нижняя часть стебля белесоватого цвета и корень цвета глины, были съедобны. Второе растение по виду напоминало петрушку и росло на суше вблизи воды. Здесь съедобными были листочки, похожие на маленькие трилистники. Я тщательно рассмотрел оба растения на случай, если придется питаться ими по пути домой.

Главной проблемой для меня оставалась вода. Сколько ни искал я взглядом, но не мог найти ничего, что можно было приспособить под хранение и переноску воды. А без воды человек долго не выдержит. Если мне придется идти в свое поселение, и по дороге не будет питьевой воды, эпопея закончится быстро. Чтобы лучше запомнить съедобные растения и не перепутать их, я зашёл в озеро по колени и набрал небольшую охапку кореньев, после чего и нарвал «петрушку» с берега. Женщины и дети смотрели на меня удивленными взглядами – им не приходилось видеть таких действий со стороны мужчин. Может они даже усомнились в моих мужских достоинствах, но меня это несколько не заботило. Физическая близость с неандерталками меня не прельщала. Да и им было не до меня – с прибавлением в племени новых четырех дикарей нагрузка на них возросла.

Я обошёл нагромождение скал, жуя корешки и «петрушку». Вкус у них был специфический, но голод я всё же немного утолил. На расстоянии около трехсот метров от нашей стоянки в северную сторону начинался лес, который через несколько километров переходил на высокие холмы. Он огибал наше озеро и уходил в сторону запада. Такого сплошного лесного массива мне видеть раньше не приходилось, думаю, с животными здесь должно быть все в норме. Но и хищников тоже будет немало. Как-то я читал, что в древности медведи и тигры населяли всю Европу, являясь настоящим бедствием для первобытных людей.

Я дошел до речушки, впадающей в озеро, напился кристально чистой и очень холодной воды. В этом месте берег озера был практически без растительности, и на земле было видно множество следов копытных. Вспомнив, что давно мечтал нормально искупаться и почистить себя, я хотел полезть в воду, когда в голову пришла идея использовать золу вместо мыла. Ведь мылись раньше, используя золу. Да и вещи стирали.

Когда я вернулся и начал из-под костра набирать золу, даже просто отдыхавшие дикари удивленно уставились на меня. Угольки были еще горячие, положив их на плоский камень, я раздробил их другим и получил горсточку золы.

Никакого опыта или теоретических знаний, как именно пользоваться золой вместо мыла, у меня не было. Я собрал теплую порошкообразную золу в ладони и, провожаемый взглядами всего племени, пошел в сторону ручья.

В месте впадения ручья в озеро образовалась глубокая дельта мне по грудь. Высыпав золу на плоский камень, я слегка обмакнул руки и окунул голову, чтобы смочить волосы. Потом, словно намыливая волосы, я начал их тщательно перетирать и лохматить, периодически добывая немного золы. Со временем появилось ощущение мыльности, хотя пены никакой не образовалось. Долго и упорно я втирал скользкую субстанцию в кожу головы, избегая места раны. Она уже зажила, но толстая корочка все еще держалась на коже.

Минут через десять я почувствовал, как кожу стало пощипывать. Это было неприятно, поэтому, быстро стянув с себя самодельные шорты из шкуры, я зашел в воду по пояс и начал смывать с головы золу. Щипание не прекращалось, а даже усилилось. Облегчение приносило лишь полное погружение в воду, когда прохлада снимала неприятные ощущения. Почувствовав облегчение, я заплыл на середину озера, полежал на спине и, окончательно убедившись, что кожа головы в порядке, вышел на берег.

Все племя неандертальцев стояло около скал, наблюдая за мной. Я натянул шорты и пошел к ним, чувствуя себя, словно заново родившимся. В глазах вождя застыл немой вопрос. Он снова выдал свое удивленное «Ха», когда проходя мимо, я оборонил фразу: «чистота – залог здоровья».

Дикари вернулись за мной внутрь скал, и я заметил, что их поведение изменилось. Сейчас они смотрели на меня как на недостижимое божество, мой статус в их глазах явно вырос. Вспомнив, как нас учили удерживать координацию, на глазах у ошалевших дикарей я сделал стойку на руках, молясь, чтобы получилось. Стойка получилась безупречно! Более того, я даже немного прошелся на руках и лишь потом принял нормальное положение.

Возглас удивления теперь был куда продолжительнее. В глазах мужчин читался страх, удивление и покорность. В глазах же женщин... Нет, мне не понравилось то, что увидел в их глазах... Ни за какие коврижки они не заставят меня проникнуть в них. Не на свалке я нашел свой орган, чтобы совать его куда попало.

Даже вождь был ошеломлен. Какое-то время он казался растерянным и подавленным. Преодолев растерянность, он подошел и осторожно положил грязную руку мне на плечо.

– Ха? – интонация была вопросительной и дружелюбной.

– Ха, – ответил я и сам удивился тому, как уверенно и с достоинством прозвучал мой ответ.

«Мы друзья?» – спросил меня вождь.

"Да", – ответил я своим «Ха». "Но только помни, что я ровня, а не подчиненный».

Примерно так я понял наш односложный диалог и примерно так же, судя по его реакции, наш разговор воспринял вождь. Сейчас был удобный момент объявить Уд вождю, но пока я не видел в этом смысла. Ну, стану я вождем, возможно даже без поединка, настолько я в глазах племени стал выше. Но как мне повести за собой этих людей на полторы-две тысячи километров к юго-востоку?

Если они просто не захотят идти? Или, если на юг уходят только зимой, что тогда? Идти одному? Но такое расстояние в первобытном мире трудно пройти, чтобы не попасть на корм к хищнику или в желудок к людоеду.

За две недели среди дикарей мои знания сильно пополнились: я видел, как по шевелению верхушек травы вождь угадывал, кто приближается – хищник или жертва. Два вида съедобных растений я уже мог определить самостоятельно. Но, чтобы выжить и пройти около двух тысяч

километров, этого мало. Как бы мне не хотелось скорее вернуться домой, я помнил и огромных зверюлюдей, стадо которых мы истребили в первом путешествии на восток.

Вождь, наверное, понял, что в моей душе происходит борьба. Он глядел на меня из-под косматых бровей, ожидая моих дальнейших действий. Нет, он без борьбы не уступит, а справиться с ним я точно не смогу. Даже без оружия у меня был бы неплохой шанс, несмотря на его колоссальную силу. Но дубинкой и топором он машет куда лучше меня.

«Подождем, пока не время», – приняв для себя решение, я подошел к вождю и миролюбиво произнес:

– Ха?

– Ха, – мгновенно откликнулся вождь, и его напряженное лицо немного разгладилось.

Возможный конфликт был исчерпан, я признал его право вождя, а он удовлетворился этим больше меня. Племя разошлось по своим углам. Уда не будет, тогда чего зря стоять и глазеть, если можно поспать, пока вернутся охотники с добычей.

Только сейчас, когда племя вернулось на свою стоянку, я заметил, что напряжение понемногу отпускает дикарей. Впервые послышались детские голоса, произносящие какие-то несвязные звуки. Несколько звучных пощечин приостановили самых ретивых, которые стали прыгать по телам прилегших дикарей. Во время похода каждая женщина несла по две, а то и по три шкуры. Сейчас их расстелили, и самые лучшие углы внутри скал стали занятыми.

У меня не было своей шкуры, и, хотя вождь предлагал мне одну, но на ней было столько живности, что я не рискнул ее взять. Шкуры убитых животных распределял сам вождь. Прощлый раз четыре куса достались вновь принятым в племя.

У меня было два варианта добыть себе шкуру: убив животное или забрать ее у более слабого. Во втором варианте я рисковал вместе со шкурой получить множество вшей и навлечь на себя гнев вождя, который пресекал склоки внутри племени. В первом варианте у меня были только голые руки и мозги человека из двадцать первого века. Спать не хотелось. Выйдя наружу, я направился к лесочку, чтобы подыскать себе оружие. Углубляться я не собирался, мало ли какой хищник может оказаться в лесу? Напороться на чужих дикарей я не боялся, вряд ли здесь так густо населены леса, по стоянке было видно, что ее не посещали несколько месяцев.

На опушке леса было много молодых деревьев, но для копий они не годились – слишком мягкие и гибкие. Вырезать копьё из более крепкого дерева не было возможности. Я подобрал камень с рваным клиновидным краем, но он не годился для такой работы. Уже возвращаясь назад, я заметил в воде что-то тонкое. Это была палка толщиной в три-четыре сантиметра и длиной около двух метров. Зайдя по колено в воду, я выловил эту палку, удивившись её весу – она была тяжелая, словно железная. Палка была насквозь пропитана водой, но сама древесина была очень твердой.

Когда я вернулся к дикарям, большинство из них уже спало. Вождь сидел, облокотившись спиной о большой валун, мой меч-мачете лежал рядом.

– Да, – я показал руками на меч, демонстрируя вид преданного члена племени. Покосившись на палку, вождь медленно протянул мне мой клинок. Усевшись рядом, чтобы отвести подозрения о возможном побеге, я начал затачивать конец будущего копья. Дерево плохо поддавалось даже стали клинка, который из-за небрежного отношения в значительной мере затупился. На нём даже появились рыжики коррозии. Около часа я строгал наконечник, пока не остался доволен своей работой.

Еще полчаса я обжигал будущее копьё на огне, вводя на мгновение наконечник в пламя. Теперь он почернел и выглядел как эбонитовый. Конечно, по-хорошему надо было сначала ошкурить его по всей длине, убрав пару мелких сучьев, но пока я ограничился тем, что потер его о скалу. На первое время пойдет, потом снова заполучу свой меч и доведу всё до ума.

Мое копье получилось не хуже, чем копья дикарей с каменными наконечниками. Вождь благосклонно отнесся к появлению у меня оружия. Значит, он не видит пока во мне угрозы. Между нами было мало общего, разве что мы оба относились к приматам и, в отличие от кроманьонцев, имели светлую кожу.

Но, в то же время между нами была пропасть – он являлся представителем тупиковой ветви эволюции, которой вскоре суждено раствориться в кроманьонских ордах. Я же – венец развития тех самых кроманьонских орд. И, тем не менее, мы прекрасно понимали друг друга, лучше, чем два иностранца в мое время, не владеющих другими языками, кроме родного. Сегодня вождь не просил меня разговаривать. Видимо, то, что он увидел, ему не очень понравилось, ведь его «говорящая игрушка» могла представлять для него опасность. И взгляд из-под кустистых бровей ясно давал понять мне, что ставки изменились, и надо быть начеку.

Глава 5. Фляжка

Наступила ночь, но охотники так и не вернулись. И, хотя это были людоеды, и я не забыл, что они ели Маа, словно животное, забеспокоился. Причин для беспокойства было две. Первая – как бы вождь и племя не вспомнило в случае голода, что у них в племени расхаживает живчик, которого можно схарчить. Вторым поводом для беспокойства было то, что, возможно, охотники напоролась на других людей. В таком случае у нас под боком находится еще одно племя, со всеми вытекающими последствиями.

Кто-то из дикарей подбросил хвороста в костер, и пламя, облизывая новую порцию пищи, стало разгораться, отбрасывая на скалы силуэты людей. Я лежал на траве, которую нарвал у озера. Поскольку своей шкуры у меня пока не было, пришлось импровизировать. В своих мысленных путешествиях я уже добрался до Плажа и сейчас поглощал пищу под пристальным взором обеих жен и детей, что лезли мне на колени, мешая, есть.

Что я мог сказать, попроси меня Миа и Нел рассказать о неандертальцах? Как, например, описать вождя или остальных членов племени, если они практически не разговаривают, и все их время поделено на поиски пищи и отдых после еды? Я могу описать их внешне, но что у них в душе? Каковы их характеры и восприятие окружающего мира мне не понять. Даже мои Русы в большинстве своём были загадкой. Они четко следовали указаниям, мало проявляли инициативы и были довольны сложившейся ситуацией. Только с развитием цивилизации люди начинают ощущать шило в зад, выискивая причины для конфликтов и самоутверждения. А дикарям что надо? Чтобы была еда, и сам ты не стал едой для других.

Я перевернулся на бок и поерзал, устраиваясь поудобнее. Откуда-то издалека доносился волчий вой. «Волки»? До сих я не встречал волков, хотя дикие собаки встречались. Если проанализировать, мне и хищники встречались не часто. Пару раз видел львиный прайд, видел леопардов, стаю диких собак, медведя. Слышал гиен, но самому видеть не приходилось. Может на этой Земле хищников не так много, или просто у них такой период, когда одни хищники вымирают, а другие еще не набрали силу, чтобы распространиться повсеместно. Наверное, зоологи разнесли бы в пух и прах мои рассуждения, но, увы, здесь таковых не наблюдалось. Здесь была первозданная природа, в которой человек не успел намусорить.

Волчий вой повторился, теперь он, вроде, звучал с другого берега озера и довольно близко. Несколько дикарей поднялись и выскользнули наружу. Любопытство повело меня за ними. Столпившись у входа в наше убежище, дикари молча показывали пальцем на противоположный берег озера. Но, сколько я не вглядывался, ничего там не увидел. Позавидовав остроте их зрения и проронив удовлетворенное «Ха», я вернулся на свою постель из травы.

Мое купание с использованием золы вместо мыла принесло результат: это была первая ночь за последнее время, когда я заснул спокойно, не расчесывая яростно кожу головы. Ночью мне снилась мама, которая сидела у окна и плакала, высматривая меня с окна четвертого этажа. Сон был настолько реалистичным, что проснувшись, я первое время не мог понять, почему я лежу на охапке травы, а рядом спуют чудовища из фильма о первобытных людях.

Завтракали снова травами, я сам себе нарвал корневищ и «петрушки», чем опять вызвал удивление дикарей. Одна из женщин протянула мне свой пучок, но я отрицательно покачал головой: никаких подарков, никаких обязательств. На случай спермотоксикоза, лучше использую руки, чем такое сомнительное удовольствие, как половая связь с неандерталкой. Появились двое охотников, которые несли печень, легкие и сердце животного. Короткий обмен парой односложных слов, и уже вождь ведет нас за охотниками, которые добыли крупное животное.

Шли больше получаса в быстром ритме, прошли между первыми двумя холмами по распадку и вышли в долину, со всех сторон окружённую холмами. Равнина была сплошь в высокой

траве, вдаль у самого подножья холмов паслось стадо быков или буйволов. Расстояние было слишком велико, чтобы я мог разобрать детали. Добытое животное оказалось не буйволом. Это было что-то, похожее на огромного бизона. Таких бизонов часто показывали в фильмах про индейцев. С густой шерстью бурого цвета, с мощной грудной клеткой и большой головой, которую венчали короткие толстые рога.

Животное было больше, чем тот буйвол, которого мы ели неделю назад. Его живот уже был вспорот и внутренности вытащены. Вождь махнул рукой женщинам, которые уволокли требуху в сторону.

Началось пиршество. Костер уже горел, и дикари приступили к потрошению туши, начиная с задних ляжек. Каждый отрезал себе солидный кусок и начинал его обжаривать. Я тоже взял из рук дикаря рубило, которое они мне отдали безропотно. Я только наметил себе кусок с внутренней стороны ляжки, как заметил желтоватого цвета мочевого пузырь быка.

Прозрение пришло мгновенно – ведь это готовый сосуд для воды! Нужно только его аккуратно вырезать и тщательно промыть. Несколько раз ко мне подходил дикарь, одолживший свое рубило, но я его прогонял нетерпеливым движением, пока отсепарировал мочевого пузырь вместе с мочеточниками, стараясь не повредить их. Так как у меня в руках был лишь заточенный камень, вырезанный пузырь и мочеточники были с прожилками мяса и жира. Но это не проблема, остатки мяса я могу удалить и потом. Аккуратно свернув свое приобретение, я засунул его за край шорт. Сейчас надо наесться, а работу с пузырем продолжу уже сытым.

В отличие от дикарей, которые вырезали громадные куски мяса, я вырезал мякоть максимально тонкой пластиной, чтобы мясо прожарилось полностью. Закончив с этим, я отломал ветку от кустарника, что рос неподалеку и начал готовить себе обед. Мне бы не помешала шкура животного, она была изуродована множеством проколов, нанесённых копьями, но сейчас это был предел моих мечтаний. Посмотрим, как шкура будет распределена по окончании всей трапезы. Здесь мы, наверное, останемся минимум на два дня, потому что быстрее столько мяса не съесть даже неандертальцам.

Покончив с первым ломтем мяса, я отрезал себе еще один. Находясь среди дикарей, я начал перенимать их привычку наедаться впрок. Чуть позже отрежу несколько ломтей и повешу на кустарнике сушиться, правда не знаю, что из этого получится без соли. И вообще, пора этих дикарей уже немного учить практичности. Если бы они сушили мясо, то, чередуя его с растительной пищей, могли бы лучше использовать ресурсы и меньше зависеть от удачной охоты.

Оценив еще раз размеры животного, я изменил свое мнение о неандертальцах, да и вообще о первобытных людях в лучшую сторону. Бык реально был огромен, но четверо вооруженных копьями дикарей победили его в схватке, не понесся потерь. Пожалуй, пара десятков таких охотников и мамонта сможет завалить. Я съел и второй кусок мяса, затем под взглядами дикарей вырезал несколько полос мякоти, которую развесил на ближайшем кусте. Когда я вернулся рубило дикарю, тот всем своим видом выразил облегчение. Похоже, он уже решил, что его оружие для него пропало, и не надеялся получить его обратно от странного худосочного белого червяка, каким я выглядел в его глазах.

Мужчины наелись и уступили место у костра женщинам и детям, которые накиннулись на туши с проворством саранчи. Не имея нормальных рубил, дети и женщины резали мясо кусками камней, что подобрали с места нашей стоянки. Рубило, как я понял, как и каменные топоры с копьями, были дефицитным оружием и орудием труда. Не каждый камень подходил для рубила. За две недели, проведенные с племенем, я всего один раз видел, как дикарю попался подходящий камень. Во время стоянки, он, зажав камень подошвами ног, старался сделать режущую сторону клиновидной. От камня сыпались искры, отлетала мелкая крошка, но существенно изменить его не получилось. Наверное, для качественного рубила нужны особые куски со слоистой структурой, чтобы одним ударом расколоть его, формируя острый край.

Я буду внимательно смотреть на камни, может, попадется что-то, подходящее для рубила. Сытый желудок тянул ко сну, еще год среди неандертальцев и я точно превращусь в одного из них. Уже сейчас все мои дни идут по одинаковому распорядку: поспать и поесть. Преодолев сонливость, я вытащил бычий пузырь и начал руками счищать кусочки мяса. Пузырь был пуст и напоминал сдувшуюся футбольную камеру с многочисленными складками. Увлечшись чисткой пузыря, я не заметил, как стала подкрадываться темень.

Дикари приступили к повторной трапезе, а я перевернул свои полоски мяса на ветвях, отметив, что мясо частично потеряло воду и стало обесцвечиваться под лучами солнца. Небольшой кусок мяса я все равно отрезал и пожарил, заметив, что несколько дикарей отрезали похожие куски. Не объемные, а именно плоские, и теперь жарили их, поглядывая на меня. Воды поблизости не было, а меня мучила жажда, в то время как дикари вообще не заморачивались по этому поводу.

Мочевой пузырь я боялся пересушить, поэтому на солнце держал его недолго. Он был грушевидной формы с двумя мочеточниками примерно на двадцать сантиметров, которые я вначале хотел отрезать, но потом передумал. Если их связать между собой, получится что-то типа ремня. Можно будет повесить мою «фляжку» на плечо, чтобы не нести в руках. С некоторой опаской я пристроил фляжку в ветвях дерева. Если её не сушить, может начаться процесс гниения.

Меня удивляло мое странное положение в племени. После вчерашнего вождь утратил ко мне интерес и не приставал со своим бесконечным «Ха», требуя в ответ длинной тирады, которая приводила его в восторг. Сегодня дикарь безропотно отдал свое рубило, хотя раньше мне просто отрезали кусок мяса. Видимо, мое плавание в озере и стойка на руках внушили дикарям уважение и благоговейный трепет. С одной стороны это хорошо, но как бы вождь не решил, что я становлюсь для него опасным.

Утром я ожидал, что мы снова засядем за трапезу, и был сильно удивлен, когда дикари по указанию вождя приступили к расчленению туши, одновременно снимая шкуру. Когда, спустя два часа, все племя нагруженное мясом, шкурой, головой и остатками брюхи выступило в обратную дорогу, на поляне остались только следы вчерашнего пиршества.

Мне досталось нести половину шкуры, которая была еще сырая и весила невероятно много. Я даже подумал, что это своего рода наказание, чтобы поставить меня на место. Но и остальные были нагружены не слабее меня, даже при их силовых показателях дикари шли медленнее, чем обычно, и тяжело дышали. На обратную дорогу мы потратили почти два часа. Когда я, наконец, скинул ненавистную шкуру, ее моментально подхватили женщины и уселись обрабатывать внутреннюю сторону скребками.

Вождь подошел ко мне и протянул рубило:

– Да (возьми, даю, твое, пользуйся), – у этого слова было сотни значений.

– Ха, – ответил я по инерции.

Я уже собирался идти к ручью, чтобы промыть свою будущую фляжку, когда дикарь остановил меня стальной хваткой за плечо.

– Да, – его рука указывала на груды мяса, которую дикари свалили прямо в центре нашей стоянки.

Секунд двадцать я не мог понять, что он от меня хочет, пока вождь не ткнул пальцем в мои ломти мяса, которые я начал вчера сушить и сейчас снова разложил на камне. Желая проверить свою догадку, я подошел и ловко отрезал полоску мяса, которое лежало на камне под солнечными лучами.

– Ха, – одобрительно прокомментировал вождь мои действия.

Взяв один из вчерашних ломтей, которые только еще начали сушиться, я отрезал от него кусочек и, положив в рот, стал тщательно пережёвывать. Мясо было еще очень сырое, но уже съедобно. Отрезав второй кусочек, я протянул его дикарю, стоявшему передо мной. Тот отпра-

вил мясо в рот и, перетерев зубами, проглотил. Прислушавшись к внутренним ощущениям, дикарь оскалился:

– Ха.

Дикари словно ожидали этой команды. Они стали торопливо нарезать мясо и раскладывать его по камням. В большинстве своем они резали слишком толстые ломти, а добравшись до костей, просто дробили их рубилами и, высосав костный мозг, также клали на просушку. Через час все камни и валуны были усыпаны ломтями мяса. Убедившись, что дикари следят за моими движениями, я демонстративно поднял свой ломоть и, нажав на него пальцем, перевернул его. Неандертальцы необычайно внимательны и точно копируют повадки животных и людей. Оставив их переворачивать ломти, я пошел к ручью, не забыв прихватить с собой свое самодельное копьё.

Притопив бычий мочевой пузырь в ручье и придавив его сверху камнем, чтобы не унесло водой, я снял свои шорты из шкуры. Потом я погрузился в воду, чувствуя прохладу и облегчение. И снова на мой заплыв в озере пришли полюбоваться все дикари. Даже одеваться пришлось под их внимательными взглядами, хотя мне краснеть было не за что. Ну, не превосходили меня дикари размером мужского достоинства, что мне казалось странным, учитывая их невероятно мощную мускулатуру.

Я проверил пузырь, от которого все еще несло мочой. Сев в ручей на корточках, я постарался, чтобы в пузырь попадала вода через мочеиспускательный канал и выливалась через мочеточник. Мочеточники слиплись, и вода через них практически не выходила. Дикари снова вернулись в укрытие. Я же, поднявшись метров на десять, тщательно укрыл пузырь в воде, навалив вокруг и на него массу камней, чтобы его не съели хищные рыбы или другая живность.

Вернувшись к племени, я перевернул сушившиеся ломти мяса. К чести неандертальцев, у них нет понятия воровства. Не буду утверждать за всех, но в этом племени за две недели такого не наблюдал. Оставшееся мясо на крупных костях поджаривалось на углях, распространяя вокруг запах горелого. Женщины, поняв, то из остатков им ничего не светит, собирали съедобные корневища, стоя по колено в воде, другая часть рвала растения прямо на берегу. Дети бегали вокруг редких деревьев на краю поляны, переворачивая опавшую прошлогоднюю листву в поисках личинок и жуков.

Вождь протянул мне кусок ребра с остатками прожаренного мяса, видимо в благодарность за подсказку о приготовлении мяса впрок. Мяса на ребре было немного, но я не испытывал особого голода. Быстренько покончив с костью, я начал обшаривать группу скал с внешней стороны в поисках камня для рубила. Несколько камней отбраковал сразу.

Вскоре мне на глаза попался необычайно светлый камень серо-голубого цвета с вкраплениями черных точек. Сам камень был неправильной формы с изломанными краями. Первый же удар о скалу расколол его надвое. Камни с такой способностью расслаиваться мне еще не попадались.

Несколькими ударами обычного булыжника, подобранного в ручье, я попробовал отбить такой кусок, чтобы у камня был клиновидный край. Но камень колелся непредсказуемо, и в итоге у меня оказалось около пяти кусков различной величины. Один из них был самый крупный и мог служить рубилом для нарезки мяса. Самый маленький кусок размером с пачку сигарет получился обоюдоострым, ним можно выполнять более тонкую и ювелирную работу. Засунув маленький камешек в шорты, с большим куском своего рубила я подошел к вождю, чтобы узнать его мнение.

– Га, – отозвался тот, едва взглянув на камень, выражая, таким образом, негативную реакцию на мою находку.

Дикарь взял из моих рук рубило и соударил со своим, раскрошив мое рубило на несколько мелких частей. Наглядная демонстрация впечатлила – мое рубило не годилось для

тяжелой работы. Но мелкий камешек мог еще пригодиться. Еще час осматривал все скалы и валуны, и обломки рядом с ними, но ничего подходящего не нашел.

Когда солнце начало клониться к закату, я сходил за своим пузырем-флягой. Мелкие речные обитатели все равно добрались до него, обглодав остававшиеся кусочки мяса на мочеточниках. Следующий день пузырь снова пролежал в воде, избавляясь от мяса и запаха, пока я придумывал, как сделать тесьму для горлышка своей «фляжки». Тесьма получилась неожиданно, когда я наткнулся на дерево, стоящее на берегу озера, очень похожее на иву. Кора с ветки дерева оказалась необычайно прочной и гибкой. На третий день после многократного промывания пузыря водой, я решил закончить работу по превращению его во фляжку.

Мочеточники были связаны между собой и образовали лямку, а чуть расширенный мочеиспускательный канал стал горлышком фляжки. Первый глоток из фляжки я делал со страхом, ожидая вкуса мочи. Но воды была без запаха и примесей, холодная и очень приятная. Наполнив свою фляжку, я закрыл тесьмой горлышко и перекинул её через плечо. Минимум два литра воды теперь бултыхалось в моем сосуде, можно было наполнить его еще больше, но я боялся разрыва пузыря, не зная его прочности.

У меня было самодельное копье и фляжка, оставалось решить вопрос возврата своего меча и определиться с тем, когда уходить домой. Прямо сейчас или подождать пока племя вернется к знакомым мне местам.

Глава 6. Нел

Обратный путь до бухты отряд прошел еще быстрее: после смерти и похорон их вождя ничто не держало людей здесь. Маленькое племя неандертальцев, встреченное по пути, было истреблено со звериной яростью. Четыре мужских и пять женских трупов, остались лежать в саванне, встретившись отряду Тиландера. Сам американец хладнокровно убил одну женщину, которая пыталась спастись. Трое гребцов, оставленных на «Акуле», без слов поняли, что поиски не принесли добрых вестей. Проведя на берегу бухты один день, чтобы люди отдохнули после изнурительного двадцатидневного похода, «Акула» подняла якорь следующим утром.

Обратный путь был долгим: гребцы не горели желанием грести, а встречное течение и почти полный штиль, затянули возвращение почти на десять дней. Когда «Акула» показалась в море, половина Плажа высыпала на берег. Возвращался Великий Дух Макс Са, впервые покинувший Плаж на такой долгий срок.

Мие предстояло скоро рожать, в этот раз ее беременность протекала сложнее, и живот был куда больше. Бер прибежал, чтобы сообщить новость обеим женам Макса, что корабль виден в море и прибудет через час к пристани. Оставив Мию, присматривать за детьми, Нел поспешила на берег: весь месяц ее мучили кошмары, что Макс не вернется. Теперь она буквально бежала, чтобы своими глазами увидеть корабль.

«Акула» шла под парусом, мучительно долго тянулось время, пока расстояние сократилось, что стали видны фигурки людей. Нел искала, искала и не находила. Она уже различала фигуру брата, американца и даже некоторых гребцов, что сидели на своих банках.

Когда до пирса оставалось около ста метров, Тиландер убрал парус и гребцы стали аккуратно погребать. Американец видел, что половина поселения на берегу. Он различил фигуру старшей жены Макса, но рыжеволосой среди встречающих не увидел. На минуту он даже вздохнул с облегчением, эта импульсивная женщина его тревожила.

Кода «Акуле» оставалось метров тридцать до пирса, Нел не выдержала:

– Макс Са, – ее голос был такой силы, что весь гомон на берегу стих. Нел крикнула снова, на этот раз в ее голосе был страх и печаль:

– Макс Саааааа.

Тиландер почувствовал, как увлажнились его глаза, и предательская слеза побежала по щеке. Не услышав ответа от мужа, Нел рванула в воду, прежде чем ее успели остановить. Ее ноги потеряли дно и она замолотила по воде руками, забыв про свое умение плавать. Тиландер и Бар прыгнули с борта одновременно: американец доплыл раньше до Нел и потащил ее к берегу. Потерявшая самоконтроль, девушка рвалась из его рук, Тиландеру пришлось приложить титанические усилия, чтобы вытащить ее на берег.

Теперь уже почти весь Плаж был на берегу, подоспел Лар, который тренировал копейщиков, Бер со своим «спецназом» стоял набычившись. Нел успокоилась, она пристально следила за «Акулой» которая мягко стукнулась о сваи пристани. С драккара подали трос и судно пришвартовалось. Один за другим, словно раздавленные непомерным грузом, сходили на берег Гау и матросы. Бар, стоял рядом с сестрой, приобняв ее за плечи, готовый удержать от рывка.

Все прибывшие вышли на берег, Плаж затаил дыхание, ожидая, что сейчас из драккара покажется тот, кто объединил их всех, защищал и кормил, учил новой жизни.

– Где Макс Са? – спросила негромко Нел. На берегу стояла мертвая тишина, слышно было, как слабенький ветер шевелит листья пальм. Все отводили глаза, не в силах ответить женщине, чьего мужа они дали съесть людоедам.

– Нел, – Бар тронул сестру за руку, – Макс Са на Полях вечной Охоты. Нел невидящим взглядом уставилась на брата, тому еще раз пришлось повторить, чтобы смысл сказанного дошел до нее.

– А ты? – словно очнувшись, спросила Нел голосом, от которого у Тиландера поползли мурашки по коже.

– Что я? —не понял Бар, решив, что разум сестры похитил злой дух.

– Ты где? – Нел посмотрела брату в глаза, – почему ты здесь, а не с ним? Кто должен был защищать Макс Са, если не ты? Кому он доверял, если не тебе? – Каждое слово девушки падало, словно стокилограммовая гиря. Бар поник, не смея поднять глаза на сестру, все это время он корил себя, что не настоял и отпустил Макса на охоту без него.

– Я, он,– Бар замешкался и осекся под ненавидящим взглядом сестры. Это была не его нежная сестра, перед ним стояла чужая женщина, потерявшая мужа, готовая убить любого.

– Почему ты не с ним? Почему вы все не с ним? Почему вы позволили его убить?! – Нел кричала, но потом внезапно успокоилась, тяжело дыша, она захватывала воздух широко открытым ртом.

– Как это случилось? – Нел поочередно всматривалась в лица, вернувшихся с путешествия. Тиландер дважды открыл рот, чтобы признаться в том, что он промедлил со спасательной операцией. Гау, прервал молчание, скупой рассказав, как Макс пошел на охоту с Маа, как они обнаружили следы борьбы и крови. Он не стал уточнять, что первоначальная поисковая операция была прервана и возобновлена с усиленным составом. Рассказывая, дошел до места, как обнаружили пещеру с неандертальцами и замолк, оглядываясь на Бара и американца. И только Тиландер собрался с духом, чтобы продолжить, как заговорил Бар, опустив глаза в землю.

Когда Бар дошел до места, как они обнаружили останки Макса, которого съели людоеды, Нел пошатнулась. Бар и Тиландер оба бросились ее поддержать, но женщина с ненавистью оттолкнула их руки:

– Продолжай. – Повинуясь, Бар продолжил и закончил свой рассказ. Воцарилась тишина, в которой стали слышны шаркающие шаги. Устав ждать и чувствуя недоброе, от дворца к берегу шла Миа, держа в руках взведенный арбалет. Люди расступались перед ней молча, в полной тишине Миа подошла к Нел и обвела взглядом толпу.

– Его нет?

– Нет, – подавленным голосом ответила Нел.

– Кто? – Миа тяжело подняла арбалет на уровень груди.

– Все,– меланхолично отозвалась старшая жена. В этом диалоге овдовевших жен, было что-то пугающее и страшное. Наконечник стрелы смотрел в лицо: Тиландер сглотнул, подумав, что это последние минуты его жизни. Но наконечник сместился, теперь под прицелом был Гау, затем Бар и все остальные. Никто не дрогнул, все кто были с Максом, стойчески ожидали смерти. Глаза рыжеволосой превратились в ледышки, она резким движением приставила стрелу к горлу и нажала на спуск.

Тиландер успел в последний момент ударить ее по руке, и стрела ушла вверх, оцарапав кожу шеи. Американец такого не ожидал, но среагировал рефлекторно. Миа уронила арбалет и, повернувшись к ним спиной, направилась в сторону дворца. Тиландер ожидал реакцию прямо противоположную: что рвать и метать будет Миа, а Нел просто будет раздавлена. На берегу царил уныние, некоторые переговаривались вполголоса, другие просто тупо сидели на песке. Со стороны кузницы спешили Рам и Лайтфут в сопровождении жен. Они шли быстро, с веселым настроением, пока не уткнулись взглядами в толпу. Веселье с их лица сдуло, женщины замолчали, а Рам подойдя к Нел, посмотрел ей в глаза.

– Он на Полях Вечной Охоты,– медленно и отчетливо произнесла девушка и дотронулась до курчавых волос кузнеца,– его съели как свинью, и они это позволили. – Ее взгляд полный ненависти пробежался по лицам прибывших. Рам побагровел, когда до него дошел смысл слов, сказанных Нел. Он играл мышцами, которые вздулись на его руках и внезапно для всех, этот могучий кузнец заплакал. Заплакал некрасиво, подвывая словно дикий зверь. Ошеломлённые

люди смотрели на горе этого полукровка, которого многие даже не считали за своего. Нел постаралась утешить парня, но тот опустил вниз, продолжая подвывать. Плач его прекратился также внезапно, как и начался.

– Кто, – хриплым голосом спросил кузнец, похожий на разъярённого зверя.

– Все, – также меланхолично отозвалась Нел.

– Все умереть! – Рам вынес свой вердикт и ждал только приказа, чтобы броситься убивать голыми руками.

– Лар, – властно прозвучал голос Нел, услышав свое имя командующий войсками Плажа, протиснулся вперед.

– Они должны умереть, они не уберегли Макс Са, – Тиландер не поверил своим словам, – Нел сделала паузу и продолжила, – все, кроме Геры, он был помощником Великого Духа.

Заявление Нел прозвучало как гром среди ясного неба, но никто не шевельнулся, не попытался опротестовать. Но Лар колебался, Нел уловив его сомнения добавила: – Это приказ! Завтра, после Совета, они умрут, – Нел пошла во дворец, даже не взглянув на брата, которого обрекла на смерть. Миа лежала, она даже не подняла головы, не вышла поесть, словно она умерла вместе с Максом.

Для императорского Совета нужен был Раг, который находился в Форте. Через полчаса на верблюде туда поскакал Бер, которому Нел поручила передать приказ явиться к дворцу.

Тиландер нашел взглядом Лайтфута и махнул ему рукой.

– Уильям, теперь все будет иначе, это место станет местом кровавой расправы. Возможно, нам придется уходить отсюда.

– Куда мы уйдем, Герман? Везде дикари и они нам враги. А здесь нас уважают, даже вдова выделила, что ты неприкосновенен. Мы нужны им, без нас они просто кучка дикарей, – пытался остудить Лайтфут своего товарища.

– Сейчас мы неприкосновенны, потому что им нужны наши знания. Я думал, сохранить наследие Серова, оберегая его семью. Но его жена неадекватна, она готова убить даже брата.

Думаешь надолго хватит ее терпения, особенно когда она узнает, что я промедлил со спасательной операцией?

– Герман, ты затянул со спасательной операцией? – ужаснулся Лайтфут, непроизвольно отодвигаясь.

– Я ее прервал, посчитав, что Макс мертв. Но возобновил через сутки, и именно этих суток нам не хватило, чтобы застать его живым, – Тиландер нервно грыз ногти на пальцах правой руки.

– Герман, как ты мог? Нас же учили, что первые трое суток, самая большая вероятность успешных поисков? – Лайтфут недоумевал, как его опытный товарищ упустил такие простые вещи.

– Уильям, мы наткнулись на съеденного человека и полное отсутствие следов Макса. Со мной была лишь часть людей, углубляться на враждебную территорию, не имея сведений, что похищенный жив, я посчитал излишним риском. До конца своей жизни, я буду проклинать себя за это, но сейчас нам следует позаботиться о себе. Не сегодня, не завтра, но пройдет время, когда мы станем здесь лишними, предлагаю убраться до этого момента.

– Как? Мы же пришли к выводу, что «Акула» не способна пересечь Атлантику.

– Я начну строить шхуну, буду экспериментировать с парусами. Наш единственный выход, достичь Бермуд и попытаться вернуться домой.

– Хорошо, Герман, но пройдет год, прежде чем ты сможешь построить корабль, способный пересечь Атлантику.

– Уложусь за восемь месяцев, буду работать днем и ночью. Но никому ни слова. Уильям, если нас заподозрят, мы трупы.

– А как объяснишь, строительство нового корабля? – Вопрос Лайтфута был к месту и Тиландер задумался:

– Я объясню это последним заданием Макса.– Тиландер вздохнул,– в любом случае, другого варианта у нас нет. Боюсь, что со смертью Макса умерла и вся надежда получить цивилизацию, первое время все будет идти в прежнем ритме, но потом все перессорятся, появятся претенденты стать вождем. Я думал, что смогу защитить его наследие, смогу оберегать его жен и стать наставником его детям, за его человеколюбие и отношение к нам. Но видно не суждено было сбыться его мечте. Они вернутся на тот уровень, с которого он их поднял, и произойдет это в течение года, максимум двух.

– Завтра Малый императорский Совет,– напомнил Лайтфут, – может, повременим с выводами, посмотрим, что скажет Нел?

– Посмотрим, а сейчас мне пора, надо заняться «Акулой» и навестить жену, скоро ей рожать. Еще одна причина, Уильям, чтобы вернуться в свое время. Этот мир и это время не для детей. – Тиландер попрощался и ушел, а Лайтфут задумался. В словах Германа многое было реальностью: все это разномастное племя удерживалось вместе силой авторитета Макса.

Он уже начал привыкать к этому месту, его Гу тоже была беременна. Уильяма уважали, даже Рам признал в нем главного и слушался беспрекословно. После отъезда Макса, воссоздав в памяти образ катаны, Лайтфут работал почти месяц, стремясь сотворить шедевр. И ему это удалось: катана получилась на славу, ветки толщиной с запястье человека перерубала с одного раза. Когда Хад забил свинью, после черного нашествия, свиньи моментом расплодились снова, решил проверить на тушке свиньи свойства катаны. Ребра, позвоночник и даже лопатку, он перерубал играючи, не портя режущей кромки. Сейчас он дорабатывал ножны, собираясь преподнести подарок по возвращению Макса. Лайтфут заметил Рама, который остался на берегу и молчаливо смотрел на волны. Его коллега не отреагировал, пока Уильям не тронул его за плечо.

– Рам, пошли в кузницу, у нас есть работа.– Лайтфут повернулся, уверенный, что парень последует за ним, но слова Рама его остановили:

– Его там нет!

– Кого нет, где нет?

– Макс Са нет на Полях Вечной Охоты, – слова давались Раму нелегко, привыкнув говорить односложно, он сейчас явно испытывал затруднения формулируя фразу.

– Рам он умер, его похоронили. Его кости видели все, и Гау и Герман и все остальные.

– Я спрашивал у Мать-Хи(воды), спрашивал у Отца —Латт(земля), спрашивал у Духа Ци(огонь), Макс Са они не видели, он вернется.

Уильям почувствовал, как шевелятся волосы на голове, Рам смотрел сквозь него, его глаза казались бездонными, а голос звучал как из загробного мира.

– Он вернется, – уверенно повторил Рам и словно выйдя из транса, удивленно посмотрел на Уильяма.

– Рам, пошли в кузницу?– осторожно спросил американец, начиная движение.

– Хорошо, – не говоря ни слова. Парень последовал за ним, становясь обычным мало-разговорчивым кузнецом Рамом, но его могильный голос и слова: «Он вернется», звучали в голове до самого сна, которым Лайтфут забылся лишь поздней ночью.

Уже больше получаса члены Малого императорского Совета в полном составе, ждали его начала. Не было только Нел и Мии. Присутствовали оба брата Нел, военачальник Лар, старейшина Хад, начальник внутренней безопасности Ара, вождь Выдр Наа, Зик, которого перед отплытием Макс объявил своим помощником, командующий лучниками Гау, шаман Хер, Лайтфут и Тиландер. Макс никогда не заставлял себя ждать, но вот из спальни появились обе жены Макса. Миа была в своем топике из шкуры и набедренной повязке с огромным ого-

ленным животом. На Нел была надета футболка Макса с изображением Красной Площади, впрочем, рисунок узнали только американцы, для всех остальных это была боевая башня.

Миа села, а Нел осталась стоять. Дождавшись, чтобы стихли приветствия, она заговорила:

– Великий Дух Макс Са говорил, что нельзя спешить, когда собираешься принять решение. Вчера я сказала, что умрут все, кто его не уберег. Но я не верю, что Великий Дух Макс Са на Полях Вечной Охоты и поэтому все будут жить, пока я не буду уверена в смерти Макс Са. – Нел сделала паузу, а Тиландер мысленно восхитился ее решением: она поспешно приняла решение, но подумав, нашла выход избежать казни, не потеряв при этом лица. Но ее следующие слова, заставили американца зауважать эту хрупкую, волевою женщину.

– Многие думают, что, если Макс Са нет с нами, мы начнем ссориться, и не сможем жить. Разве этого хотел бы Макс Са? Разве этому он учил нас всех? Я знаю, что он вернется, вернется, и посмотрит, как жили без него, правильно ли следовали его Законам? И что мы ответим? Мы думали, ты умер и стали дикарями? Так мы ответим?! – Нел обвела собравшихся тяжелым взглядом.

– Шаман Хер, кто такой Макс Са?

– Посланник Главного Духа-Бога, – быстро и внятно ответил шаман при вопросе.

– Шаман Хер, может ли умереть посланник Главного Духа-Бога, пока Бог этого не захочет?

– Не может, – безапелляционным тоном заявил шаман, даже привстав с места. – Тиландеру хотелось крикнуть, что он своими руками укладывал его кости в землю, что пора прекратить этот самообман, но поймав предупреждающий взгляд Лайтфута, он сдержался.

– Я спросила у Главного Духа – Бога в своем сердце, он ответил мне, что Макс Са вернется, вот почему я спокойна и говорю вам, – здесь Нел выдержала театральную паузу, – он вернется и мы его дождемся. Ничего не изменилось, все будет как раньше. Мы будем разводить скот, сажать ячмень и чече(чечевицу), собирать съедобные корни и ловить рыбу.

«Второе пришествие», – Тиландер не мог не провести аналогии. Но вместе с тем, Нел говорила умные вещи, вселяя в людей надежду, что все будет хорошо. Она еще раз обвела взглядом всех и остановилась на Баре.

– Мой брат Бар, подвел Макс Са, отпустив его на охоту. Пока Макс Са не вернется, Бар будет простым копеешником военачальника Лара и не будет приходить на Малый императорский Совет. Гау, тоже подвел Макс Са, он с десятью воинами переселится в Форт и будет охранять наши земли от врагов. Пока Макс Са не вернется, Гау не придет на Малый Совет, если я его не позову. Мой брат Раг и Лар будут отвечать, чтобы Плаж никто не тронул. Ара, будет смотреть, чтобы разговоры о Макс Са были правильными. Шаман Хер в своих разговорах, будет рассказывать о посланнике Главного Духа-Бога Макс Са, который скоро к нам вернется. – С каждым ее поручением, изумление Тиландера возрастало, эта женщина не просто домохозяйка, она умело расставила приоритеты, проявила гуманность, но не оставила безнаказанным недосмотр со стороны Гау и Бара.

– Гера, где громкий шум Макс Са и тот, что он дал тебе? – этим вопросом Нел выбила из легких Тиландера воздух. Он рассчитывал, что про винтовку и подобранный им разряженный пистолет не вспомнят. Патронов было маловато, но это было оружие, а теперь его явно забирали. И делалось это непринужденно и легко, словно Нел всю жизнь проработала участковым в России.

– В моей хижине, я принесу после Совета, – прокашлявшись, сказал Тиландер, досадуя, что не умудрился «потерять» пистолет заранее.

– Лар сходит с тобой, – пригвоздила она его попытку отложить возврат оружия.

– Гера, Макс Са говорил, что в дне пути по воде есть земля, окруженная со всех сторон водой. Он хотел, чтобы часть племени жила там, – Нел вопросительно уставилась на него и Тиландер пояснил:

– Да, это остров Кипр, Макс говорил о таких планах.

– Твоя лодка маленькая, на нем не перевезти инков(верблюдов) и других животных. Ты можешь построить лодку больше «Акулы»?

– Могу, – коротко ответил он, радуясь, что это совпадает с его планами.

– Уил,– теперь она обратилась в Лайтфуту, – продолжайте делать оружие и защиту для воинов.

– Хорошо, мэ,– Лайтфут коснулся рукой виска, отдавая честь. – на минуту воцарилось молчание и переглянувшись с Мией Нел, высказала самое главное, по мнению Тиландера:

– На время отсутствия Великого Духа Макс Са, я и Мия будем главными в Плаже и Форте. Любой, кто не выполнит нашего приказа, будет убит, как нарушивший Десять Законов. А сейчас, нам надо работать, чтобы Макс Са остался доволен, когда вернется.

Малый императорский совет был закончен. Тиландер шел я Лайтфутом, удивляясь метаморфозам, произошедшим с Нел. "Может он действительно Божий посланник, если сумел за несколько лет настолько изменить мышление этих дикарей", – задавал он себе вопрос, покрываясь холодным потом при мысли, что может быть причастен к гибели посланца Бога.

Глава 7. Охотник племени

С момента как «Акула» вернулась без Макс Са прошла полная луна и еще половины луны. Нел каждый день с головой погружалась в управление поселением, неоценимой оказалась помощь старосты Хада, который каждое утро приходил с докладом по ситуации. Сколько овец или свиней дало приплод, какое количество мяса и рыбы хранится в погребах. Вопросы, связанные с защитой поселения, Нел возложила на Лара и Рага, который теперь постоянно находился в Плаже. Миа доживала последние дни беременности, практически находясь в горизонтальном режиме.

Нел хорошо помнила ту ночь перед Малым Императорским Советом, когда до утра она с Мией обсуждала планы. Хотя она объявила, что Гера неприкосновенен, Нел внутренним чутьем понимала, что именно его промедление могло стоить жизни его мужу. Но американец ей был нужен, нужен, чтобы строить корабль. В ночь перед Советом, Миа категорически настаивала на казни всех, кто не уберег их мужа. Но Нел, столько времени находясь рядом с Максом, понимала, что казнь стольких людей не останется без последствий. С одной стороны, это сильно ослабляло их возможности, если двадцать здоровых и сильных мужчин будут казнены. С другой стороны, был риск получить врагов, в лице членов их семьи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.